

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

Селфи с судьбой

Annotation

В магазинчике «Народный промысел» в селе Сокольничьем найдена задушенной богатая дама. Она частенько навевалась в село, щедро жертвовала на восстановление колокольни и пользовалась уважением. Преступник — шатавшийся поблизости пьянчужка — задержан по горячим следам... Профессор Илья Субботин приезжает в село, чтобы установить истину. У преподавателя физики странное хобби — он разгадывает преступления. На него вся надежда, ибо копать глубже никто не станет, дело закрыто. В Сокольничьем вокруг Ильи собирается странная компания: поэтесса с дредами; печальная красотка в мехах; развеселая парочка, занятая выкладыванием селфи в Интернет; экскурсоводша; явно что-то скрывающий чудаковатый парень; да еще лощеного вида джентльмен.

Кто-то из них убил почтенную даму. Но кто? И зачем?..

Эта история о том, как может измениться жизнь, а счастье иногда подходит очень близко, и нужно только всмотреться попристальней, чтобы заметить его. Вокруг есть люди, с которыми можно разделить все на свете, и они придут на помощь, даже если кажется — никто уже не поможет...

Татьяна Витальевна Устинова

Селфи с судьбой

© Устинова Т.В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Электричка загудела и наддала, пассажиры качнулись вперёд, а потом назад. Пролетела, набирая скорость, осенняя бедная и голая станция под мелким дождём с тремя сошедшими дачниками в плащах и резиновых сапогах, и снова пошли за окнами поля и перелески, нищие деревеньки, и вдруг на горизонте над лесом возникла какая-то подозрительная труба, а потом переезд с бело-красным шлагбаумом, а к нему терпеливая очередь: две легковушки, «Газель» и лошадь с подводой — самая последняя.

Илья слушал басовитое гудение голоса в наушниках вначале внимательно, затем раздражаясь, а потом — то ли от покачивания поезда, то ли от того, что отвлекали мелькавшие за окнами чёрные ёлки и жёлтые берёзы — совершенно потерял мысль, выдернул из ушей пластмассовые штучки, заканчивавшиеся на тонких проводках, и стал тыкать в экран, чтобы остановить бухтение.

— ...дак вот я и говорю, — дедок напротив как будто продолжал рассказ. Илья взглянул на него с изумлением и неудовольствием и опять уставился в планшет, — что убить-то убили, а посадили-то безвинно обвиноваченного! А у нас всегда так, закон, что дышло: куда поворотил, туда, стало быть, и вышло, только все знают, что Петрович ни при чём! Вот хоть ты меня расстреляй — ни при чём Петрович!

— Какой Петрович? — машинально спросил Илья. Файл завис, и в наушниках, болтающихся на шее, всё продолжалось глухое размеренное бормотание.

Дедок удивился:

— Да как а я о чём тебе толкую?! Вон газетка-то у тебя заткнута, а там прямо русским по белому сказано, что подозреваемый задержан! А какой он, на хрен, подозреваемый, если он не виноват ни в чём!.. Петрович не виноват, говорю!..

Не справившись с дурацким планшетом, Илья выдернул из гнезда наушники, чтоб в них не гудело, и скосил глаза на газету, засунутую в щель между спинкой и сиденьем. Он купил газеты в Ярославле, когда пересаживался с московского поезда на местную электричку, быстро и равнодушно прочитал, скомкал и бросил, решив, что лучше будет слушать доклад. Никодимов докладывал на учёном совете в минувший вторник, а Илья всё пропустил.

— А раз Петрович не виноват, — продолжал дедок, — стало быть, другой виноват! Кто-то ж её прикончил, не сама она... того, удушилась! Хотя кто вас разберёт, столичных...

Тут Илья вдруг сообразил, о чём дедок говорит, и это было... странно. Так странно, что он посмотрел внимательно и сел прямо, забыв про планшет.

— А чего ты глядишь на меня? Я старый уж, прямо говорю! Нету такого закону, чтоб людей в тюрьму сажать, потому что они, может, водку пьют и за себя не отвечают! Вот ты знаешь, почему Петрович водку пьёт? Вот ты можешь мне как следует ответить?

Дедок внезапно распалился, полез под синюю ватную куртку в нагрудный карман, сопя, покопался там, нацепил очки и уставился петушиным взором. Рядом с ним на пустом сиденье была утверждена корзина, укрытая куском брезента, в ногах стояла ещё одна, побольше, широкий потёртый ремень лежал у старика на колене.

— Нет, ты мне скажи, скажи!

— Да я бы сказал, — осторожно начал Илья, — но не знаю, что у вас случилось и кто такой... Петрович? И почему он водку пьёт, не знаю.

— То-то и оно-то! И никто не знает! А я знаю, я в Сокольничьем с малолетства вот такого живу! — Старик показал рукой невысоко от пола, почти вровень с корзиной. — А меня спросили? А вон соседей? А Клавдию? Клавдия в тот день с утра в лес ладилась, к обеду должна была вернуться, стало быть, путь ей один — мимо того магазина. И её не спросили!

Илья Сергеевич Субботин, доктор физико-математических наук, профессор и столичный житель, понятия не имел, как именно надо разговаривать в дальних электричках с привязчивыми стариками. И слишком невероятным было то, что попутчик *сам заговорил* о том, что в данный момент интересовало его больше всего, — об убийстве.

Слишком невероятно и странно.

— Ну, чего глядишь-то на меня?.. Я прямо говорю, как есть. На кой ляд Петровичу её душить? Он пьяненький был, да, кто спорит, бузил маленько, покрикивал. Гошка-милиционер его на площади усмирил да домой направил. А чего Гошка-то, он малец ещё! В отделение Петровича волочь? Так Петрович сроду в собаку камнем не кинул, не то что в человека! Поду-умаешь, нашли там у него чегой-то в карманах! Мало ли откуда оно у него взялось! Может, сама затетёха подарила, мы ж не в курсе!..

— Секундочку, — перебил Илья, — я сути не понял. Что случилось? Где? Кого убили?

Старик недоверчиво крякнул, сдёрнул с носа очки и ткнул ими в кипу газет:

— Эвон как! Читал, читал, а дело ни с места! Или неграмотный?..

— Грамотный, — сказал Илья нетерпеливо, — но вы мне лучше расскажите. Это интересно.

— Интересно, — передразнил старик язвительно. — Всем интересно, а Петровича, стало быть, в тюрягу, да? Чего там рассказывать, всё уж рассказано, вон пропечатано даже! Когда это? На позатой неделе, дня за два до выходных припожаловала затетёха эта. Она по осени очень уж любит у нас в Сокольничьем бывать. Это у вас, у столичных, называется родину любить. И она туда же: красоты, говорит, тута расстилаются, глаз не оторвать! А что, у нас и вправду красотища. На Заиконоспасскую горку взберёшься, по сторонам глянешь, до самых печёнок проберёт! Вот она и приезжает...

— Секундочку, — опять перебил Илья. — Кто она?

— Лилия Петровна, кто, кто!.. Курпулентная из себя дама, видная такая, — дедок показал обеими руками, какая видная дама Лилия Петровна. — С директором, само собой, дела какие-то имела, он у нас ловкач, директор-то, пробу негде ставить.

— С каким директором?

— Да с нашим! Впрямь неграмотный, что ли, парень? Или ты не в Сокольничье едешь?

Илья кивнул — именно туда.

— Дак к нам все нынче едут!.. Летом вообще от народу не протолкнёшься, в преддверье-то и весной потише. Давно ли так стало! Совсем село наше загибалось, пьянь одна да старичье вроде меня, молодые все в Ярославль и в Москву подались, жить-то надо. Всё

поветшало, в землю ушло, колокольня, почитай, завалилась! Один этот самый Дом творчества остался. А что с него возьмёшь, с Дома этого? Ремонту не было лет тридцать с гаком, двор весь бурьяном зарос, труба печная на честном слове держалась, так её ветром разнесло по кирпичику! И не ехал никто, кто ж поедет?! А при советской власти у нас и режиссёры всякие, и художники, и писатели — все живали! Пили — страсть, этого не отнять, душевно пили. Особенно эти, которые писатели. Вот, помню, приехал один, машина «Чайка» его привезла, знаменитый, стало быть, писатель! Постой, как его звали-то?..

Илья не удержался и опять перебил:

— Значит, раньше не ехали к вам, а теперь поехали, и эта Лилия Петровна тоже приезжала?

— То и дело приезжала! Я про то тебе и толкую, а ты слова сказать не даёшь!

— А про что вы мне толкуете?

— Про директора, Олег Палыча! Да кабы не Олег Палыч, пропали бы мы совсем!.. Ну, он молодой, энергичный, из новых. Лет десять назад явился и давай туда-сюда шуровать! Уж не знаю, где он денег наворовал, только наворовал, видать, знатно, потому дела у него пошли! Пошли дела-то! — Старик вытянул руку и стал перед носом у Ильи загибать пальцы. — Колокольню поправил, «творчество» отремонтировал, деревьев насадил, торговую площадь замостил, магазины открыл. Музей наладил, да не один! У нас их теперь, музеев этих, если посчитать, на круг больше пяти выходит. Вот давай вместе, гляди: Музей русской предприимчивости, Музей музыкальных феноменов...

— И всем руководит Олег Павлович?

— Он! Ух, оборотистый мужик! Жулик, видать, первостатейный!

— Да почему непременно жулик? — профессорским тоном спросил Илья Сергеевич Субботин. До этого профессора удавалось сдерживать, а тут он всё же подал голос. Обычный парень Илья Субботин за ним не уследил. — Откуда вы знаете? Может, этот ваш знатный директор денег не воровал, а честно заработал?

Дедок даже поперхнулся от негодования:

— Да иди ты!.. Чтоб на Руси-матушке да не воровать?! Нет, вы поглядите на него, на голубя сизокрылого! И тратить! Деньги, добытые честно!

Илья посмотрел на старика, а старик на него. Электричка покачивалась, и небо заметно темнело.

— Так что дела-то он делает, наш Олег Палыч! А Лилия Петровна к нему наезжала, особенно по предзимью, говорю же. Она тоже дама непростая, на каждом пальце по бриллианту вот эдакому, автомобиль у ней, шóфер. Денег давала, это у вас мода такая, у столичных, деньги давать на восстановление храма! После табличку прикрутят к кирпичам, мол, такой-то или такая-то помогали храм того, ремонтировать. Все довольны.

— И кого убили?

— Дак её и убили, Лилию! И, главное, говорят, Петрович убил! А он ни сном ни духом, вот те крест! Чтоб Петрович среди бела дня живого человека, да ещё бабу, не сходя с места, удушил?! Быть не может такого! И главное, — тут старик подвинулся на сиденье и наклонился к Илье. От него странно, но приятно пахло то ли яблоками, то ли табаком. — Удушили-то её где?

— Где? — повторил Илья, контролируя профессора, чтоб опять не вылез с расспросами.

— Так у Зои в магазине! Ну, у Зои Семёновны, которая ещё экскурсоводом служит! Она магазин держит, там всякие скатерти, вышивки, кружева, бабская дребедень! Лилия-то

Петровна страсть как любила прикупить чего-нибудь. Такого, говорит, полотна в Голландии не найдёшь!.. И покупает, Зойка-то и рада, кто там чего у ней берёт, слёзы одни. И в тот раз зашла. Ну, чегой-то спросила, а Зойка говорит: здесь нету, а дома есть, сейчас до дому сбегаю! И побежала, а Лилия в магазине одна осталась. Зойка возвратилась, а та на полу лежит и уж не дышит. Ну, сколь она бегала? Минут десять-пятнадцать, не боле. Тут полиция, Гошка прибежал. На покойницу вытаращился, рот открывает, чисто окунь! Ну, потом вырвало его в кустах-то, а как же, молодой пацанчик. Ну, в Ярославль стал названивать, а чего названивать, когда уж всё... Но! Не мог Петрович Лилию удушить, хоть у него, пьяного, какой-то ейный платок нашли или галстук, что ли!

— Секундочку, почему не мог-то?! — всё же встрял в разговор профессор Субботин. — Ведь если у этого алкоголика нашли какую-то вещь убитой...

— Помолчи, — властно сказал дедок. — Вот все вы такие, скороспелые! Не знаю, откуда там этот платок взялся, и знать не хочу, только Петрович сроду в Зойкин магазин не заходил и не зашёл бы никогда!

— Почему?

— А потому, Зойка — его бывшая, — как будто пропечатал старик и торжествующе откинулся назад. — Он из-за неё и запил, может!.. Когда она его на развод поставила!

— Что значит — поставила на развод?

— Ну, по суду с ним развелась, да ещё алименты с него потребовала. Он тогда сказал — не видать Зойке с меня ни копейки, с завода уволился и стал горькую пить.

— Прекрасная месть, — оценил профессор. — Элегантная.

— Да ну тебя, чего языком мелешь!.. Вот менты приехали, всех алкашей местных обошли, у Петровича из кармана финтифлюшку Лилину выудили, составили протокол, и — готово дело! Сидит Петрович в Ярославском СИЗО, как будто он и убил. Вон даже в газете пропечатано! Раскрыто по горячим следам! По каким таким следам, спрашивается...

Илья подумал немного, стянул с шеи наушники и засунул в карман.

— Так, хорошо. А водитель этой дамы где был? Вы сказали, её водитель возит.

— Дак о чём и речь, парень! Не было в тот раз шофёра при ней, и где он обретался, и на чём она приехала, одному богу известно. Нет, потом-то, уж когда она... того... померла... подкатила машина, и шофёр выскочил, убивался за ней, как за матерью родной, но к магазину она пешком пришла, и Зоя божится, что не было автомобиля!

— Откуда она могла прийти? Из Москвы?

— Не иначе так! И Клавдия ничего не видала, я тебе про неё толковал, про Клавдию-то! Она утром за грибами маханула. Тоже баба несчастная, почитай, круглые сутки у плиты колготится, и бобылка, мужика-то нету. Вот у ней одно развлечение — в лес наладиться. Она, бывает, всякого впрок наготовит, бабам кухонным, подручным своим, ценные указания раздаст, и в лес, дух перевести. Ну, к обеду завсегда обратно на месте, на кухне, стало быть, а куда ж ей деваться, без неё всем делам остановка выходит. Дак она возвращаться одной дорогой могла, стало быть, мимо Зоинога магазина. И Петровича она там не видала, ничего не видала.

— Кто такая... Клавдия?

— Как кто?! Повариха из «творчества»! Ох, знатная повариха! Так сготовит, вместе с тарелкой съешь и не заметишь! И из себя видная, нигде господь не обидел. А ты разве не в «творчество» следуешь, парень? По виду тебе туда прямая дорога.

Илья Субботин оттеснил профессора и сказал, что да, он в Дом творчества.

— А ты по какой части? Артист или, может, писатель?

— Пожалуй, писатель, — согласился Илья.

— А чего писать-то будешь? Роман? Или, там, поэму?

— Я ещё подумаю, — сказал Илья. — Пока точно не знаю. Поэму хорошо бы.

— Вот Клавдиной стряпни и отведаешь! Она там с утра до ночи пропадает, в доме этом, на кухне! Харч приготовляет. Творческие все прожорливые, страсть! Особенно когда выпьют.

— А вы с директором знакомы?

— Мы? С Олег Палычем?! Куда нам, пентюхам немытым! Олег Палыч высоко летает, его телевизор показывает — то здесь его за инициативу наградят, то там. Инициатива — это, стало быть, село Сокольничье и мы, его обитатели! А ты, может, и познакомишься. В «творчестве» об эту пору народу немного, десяток человек, а Олег Палыч во всё сам входит, очень о гостях печётся. Особенно после того, как Лилия Петровна так неудачно заехала!.. Клавдея рассказывала, он уж ахал и охал — распугают народ, ездить перестанут, сроду у нас тут смертоубийства не было. Ни при Советах, ни при новой власти. А без народа нам куда? Некуда. Народ есть — денежки капают, а нет, так и... щипы пустые.

Электричка взревела и стала плавно притормаживать.

— Тебе сходить, парень, — озабоченно сказал дедок, глянув в засиневшее окно. — А мне на следующей. Раз ты в «творчество», так повидаемся ещё, все на одном пятаке толчёмся, все в Сокольничьем. В Воскресенскую-то церковь сходи, красотища там неопишная!..

— Непременно, — пробормотал вежливый профессор, — благодарю вас.

— Бывай, бывай, — развеселился старик.

Задев объёмистым рюкзаком за спинки сидений, Илья пошёл к выходу и из-за раздвижных дверей тамбура, где крепко пахло табачным дымом, оглянулся. Его попутчик выудил из газетного кома листок и расправил, видимо, готовясь читать.

На вечернюю платформу из освещённой электрички вывалился народ, довольно много, на здании вокзала надрывался громкоговоритель — «при выходе из поезда не забывайте свои вещи», — за линией тёмных лип на площади уже зажглись фонари. Там толпились таксисты и из машин неслась музыка.

Илья поправил на плече рюкзак. Становилось холодно, воздух после тепла электрички казался колким, и хотелось сунуть руки в карманы.

Он спустился с платформы и пошёл вдоль решётки. «Пироги печёные, жаренные в масле» — сама собой прочиталась вывеска, и Илья подумал, что не отказался бы сейчас от пирога печёного, и от жаренного в масле тоже не отказался бы.

...И всё же странный старик! История, которую он рассказал, казалась почти невероятной. Собственно, не сама история, уточнил педантичный профессор, а момент, когда словно из воздуха материализовался его попутчик и начал рассказывать. Так не бывает, если исходить из некоей логики. Но старик совершенно точно был, от него приятно пахло то ли табаком, то ли яблоками, и история тоже была рассказана...

— Такси, такси до гостиницы! До Дома творчества машинка! В центр, в центр поедем? Дешевле только даром!.. Садись, парень, чего ноги топтать!..

Со всех сторон на него наседали таксисты, одного, совавшегося прямо в лицо, пришлось даже отстранить рукой.

— Вы в Дом творчества?

Илья оглянулся на запыхавшегося мужика и кивнул. Мужик на ходу достал из кармана

бумажку, поднёс близко к глазам и прочитал почти по складам:

— Субботин Илья Сергеевич?

Таксисты, поняв, что состязание проиграно, приотстали.

— Он самый.

— Во-он машинка, Олег Палыч за вами выслал. Опоздал я маленько, переезд закрыт был. Хотя тут напрямки всего ничего, а если вкругаля, долго выходит...

Илья кинул в багажник рюкзак, помедлил секунду и уселся на переднее сиденье. Профессор Субботин никогда рядом с незнакомыми людьми не ездил, осторожничал и отчасти брезговал.

— Надолго к нам? В первый раз? — выворачивая руль и беспрестанно оглядываясь через плечо, спрашивал водитель. Он и спрашивал, и сам себе отвечал, машина двигалась неровно, рывками. — Видать, в первый, раньше я вас тут не видал! У нас хорошо, особенно летом! Речка рядом, водохранилище! Рыбалка, все дела. Сейчас, конечно, какая рыбалка, заглодало.

Он вырулил со стоянки и, кажется, вздохнул с облегчением. И машина вздохнула и покатила, не торопясь.

— Сейчас народу мало, но оно и хорошо. К нам за тишиной едут, за спокойствием.

— Да я слышал, что не слишком тут спокойно, — осторожно начал Илья.

— Это в каком же развороте? — удивился водитель. — У нас тишина такая, вот лист с дерева слетит — слышать. Или, к примеру, птаха малая крыльями захоркает...

— Да не птаха, а женщину какую-то убили.

— Это да, — сокрушённо признался мужик. — Это было. Раззвонили на всю область через Интернет, да ещё по телику показали! Главное дело, можно подумать, только в Сокольничьем такое бывает! Кругом так! Куда ни ткни, везде обстановочка так себе, везде балуются...

— Хорошее баловство, — пробормотал профессор Субботин. — Убийство!..

— Да этого, который её задушил, сразу и взяли. Он, козлиная, шарфик с неё сдёрнул, видно, продать хотел, так его с этим шарфиком и повязали. Так что вы не беспокойтесь, у нас тут всё под контролем.

— Под контролем, — повторил профессор себе под нос, и водитель скопил на него глаза.

— Вообще-то Олег Палыч нам строго запрещает про это говорить, про убийство, в смысле. Сплетни только разводите, а сами не знаете ничего, это он про нас, про персонал. — Слово «персонал» он выговорил словно с удовольствием. — А как не говорить, если нас спрашивают! Вон третьего дня дочка приехала ейная, ну, на машине, конечно, не вот на поезде! С женихом или с кавалером. Я их в Тутаево в Новоспасский собор возил, жених, видать, выпил маленько, за руль не полез. Так она меня тоже расспрашивала, дочка-то. И чего? Я молчать, что ль, должен?

— Чья дочка приехала?

— Покойной этой, — охотно объяснил водитель. — Убитой, то есть. Молодая девка, красивая, одета, как в журнале! Всё при ней. Я, говорит, в храм поеду, за упокой души мамашинной свечку поставлю. В Тутаеве храм старый, намоленный.

О дочке Илья Сергеевич предупреждён не был, и это его встревожило. Что понадобилось дочке на месте убийства матери? Да ещё так скоро? Прошло всего несколько дней.

— Так что вы отдыхайте себе спокойно, — продолжал водитель. — У нас места

сказочные. Повариха в Доме творчества знатная, накормит от души, точно говорю.

— Клавдия? — проявил осведомлённость профессор Субботин.

— Она! А вы о ней уж слышали, да? Я ей, главное, говорю: тебе, Клав, в сериале «Кухня» сниматься надо, а она мне: иди ты к шутам! Смеётся, значит. Вот она ругалась, когда эта петрушка приключилась, убийство, то есть.

— Почему ругалась? — не понял Илья.

— Да она тем днём с работы отпросилась и в грибы подалась, а возвращалась как раз, когда алкаш этот тётку душил. Эх, говорит, мне бы догадаться к Зое завернуть-то, мимо же шла! Может, ничего и не было бы, спугнула бы его, да и все дела. Зоя — это магазин «Народный промысел», — пояснил водитель, — там убийство и содеялось. Вот так живёшь, живёшь, не знаешь, где помрёшь!

И он глянул на пассажира, ища сочувствия и поддержки. Видно было, что ему хочется ещё поговорить о таком ужасном и огромном событии, посмаковать детали, изложить подробности, скорее всего выдуманные. Не зря директор Олег Палыч обеспокоен и запрещает «персоналу» сплетничать! Впрочем, Илье разговорчивость водителя была только на руку.

— А я слышал, что арестовали не того, — сказал он неторопливо. — Что алкоголик этот не виноват ни в чём.

— А кто тогда виноват? — обиделся водитель. — Я, может? Или Клава? Не, там без вариантов, Петрович это.

— Зачем вашему Петровичу понадобилось душить постороннюю женщину?

— Ничего он не мой! Какой мой-то?!

— Да ещё среди бела дня, да ещё в магазине? Туда в любой момент мог кто-нибудь зайти! Да и задушить не просто на самом деле. — Тут профессор попытался прикинуть силу натяжения шнура, необходимую для убийства, но остановил себя.

— Грабануть он её хотел, на водяру небось не хватало! Вот и убил.

— И... грабанул?

— Не, — покачал головой водитель. — Только шарфик и взял. Видать, перепугался.

— Остроумно, — заметил профессор Субботин. — Убить с целью ограбления и ничего не взять, кроме шарфа. Очень остроумно.

— Другое дело, — тут водитель понизил голос и слегка наклонился в сторону пассажира, словно решил сообщить некую тайну, — что я мимо магазина ехал, ну, минут за несколько до того, как... Ну, до того! Дверь нараспашку была, Зойка всегда так оставляет, когда открывает. Чего внутри там было, не знаю, с улицы не видать, только на лавочке сидел кто-то. То ли спал, то ли пьяный, я не понял. Я на него и не глядел, мне там поворачивать надо...

— Секундочку, — перебил профессор. — Кто сидел? Знакомый, незнакомый?

— Не, незнакомый. Он вот вроде... дремал как будто! Я ещё подумал: вставай, мужик, холодно, одно место отморозишь!.. А Петровича я после увидал, он от пристани вверх поднимался. Ну, пьяненький уже, конечно. Тоже вот что значит — судьба, а? Знал бы я тогда, что он тётку эту идёт душить! Ну, приехали. Говорю же, если напрямки, тут две минуты! У нас здесь всё рядом.

По тому, как водитель выскочил из машины, как открыл заднюю дверь и подал рюкзак, Илья понял, что хорошо бы ему заплатить, несмотря на то, что машину за ним «прислали». Он вытащил из заднего кармана джинсов купюру, сунул в холодную, жёсткую, как наждак,

ладонь, и, видимо, сунул больше, чем требовалось, потому что водитель подбежал и открыл перед ним дверь.

— Вы, если куда понадобится, в Тутаево или на станцию, сразу мне звоните! Вот телефон мой, я мигом подъеду.

Илья пообещал звонить, подождал, пока машина в несколько натужных приёмов развернётся и уедет, и огляделся по сторонам.

Хорошо освещённая, широкая мостовая перед нарядным подъездом в русском стиле была вымощена брусчаткой, скорее всего — недавно. Старая, по всем правилам уложенная брусчатка не шумит и не воеет под колёсами. Вдоль двухэтажного купеческого особняка горели солидные фонари, и все окна светились празднично, полоска газона была зелёной, ухоженной, как будто летней. Вход располагался в полукруглом эркере, тепло и призывно освещённом изнутри, с невысокой белой балюстрадой на уровне второго этажа.

...Вот молодец Олег Палыч! Оборотистый мужик, ничего не скажешь!..

Мостовая, постепенно расширяясь, переходила в небольшую уютную площадь, с двух сторон окружённую каменными двухэтажными домами. С третьей стороны был прудик, в котором колыхалась и подрагивала от ветра тёмная вода. Посередине площади высилась колокольня. Интересно, это та самая, которая чуть было не завалилась?..

Илья сбросил рюкзак на лавочку, вытащил из кармана перчатки и не спеша пошёл через мостовую к старым липам, просторно стоявшим на берегу прудика.

— Ой! А вы куда?

Илья оглянулся. Высокая дверь в эркер была открыта, из неё выглядывала женщина в накинутом на плечи платке. Она улыбалась и махала ему рукой.

— Я гляжу, машина подъехала, а гостя нету! Заходите, заходите, не стесняйтесь, холодина — страсть! А у нас топлено!

Илья повернул обратно.

— Что-то припозднились вы, мы вас раньше ожидали! Давайте я вещи ваши заберу.

— Благодарю, я сам.

— Олег Палыч звонил, осведомлялся, прибыли, нет ли, а мне и сказать-то нечего! Ну, слава богу, на месте!..

Вестибюль, как ему и полагается, был раззолочен, выложен сверкающей плиткой и уставлен прекрасными вазами — тут и там.

Впрочем, самому себе признался профессор Субботин, оформлено не без юмора.

— Можно паспорт ваш? Кухню мы предупредили, что ещё один гость у нас опаздывает, так что ждут вас, поужинаете, отдохнёте. Апартаменты самые удобные, как Олег Палыч распорядился. — Женщина хлопотала за конторкой, время от времени взглядывала на него и улыбалась. — В первый раз у нас? Понравится, завсегдагаем станете, вот помяните моё слово!.. У нас так не бывает, чтоб по одному разу приезжали. И от суеты отвлечётесь, и поработаете! Вы же работать приехали?

Илья согласился совершенно искренне — он приехал работать.

— У нас многие приезжают и работают!.. Вот фильм вышел недавно про инопланетян, не видели? Такой шикарный, рекламу целыми днями крутили! Так режиссёр и сценарист у нас целый месяц прожили, всё писали, писали!.. Целями днями напролёт!

— Это нонсенс, — вылез разомлевший было в тепле профессор Субботин. — Так не бывает. Чтобы сценарист с режиссёром днями напролёт работали. А водку они когда пили? По ночам?

Женщина засмеялась и покачала головой:

— Ну, не без этого, конечно, без этого у творческих личностей дело не идёт! Да вы и сами небось знаете, вы же писатель, инженер, так сказать, человеческих душ.

Профессор Субботин не знал, что он писатель.

— А Олег Палыч? На месте? Мне бы с ним переговорить.

— Ой, — огорчилась администратор. — Как раз нету его. Уехал, и давно уж. Велел вас встречать, принимать, как дорогого гостя, потчевать, ухаживать, а сам уехал. Но я могу ему позвонить, — и она схватилась за телефон.

— Спасибо, не нужно, — остановил её Илья. — Завтра поговорим.

— Ваш номер на втором этаже, в самом конце коридора, там тихо, никто не беспокоит. Люкс, называется «Николай Романов».

— Романов, — под нос себе пробормотал профессор, — да ещё Николай!..

— Я вас провожу, помогу с вещами.

Воспоследовали препирательства. Женщина настаивала на помощи и ухаживаниях, а Субботин отказывался и благодарил. Победа осталась за ним, и через пять минут он уже с изумлением оглядывал огромный роскошный номер. Здесь не было ни позолоты, ни сверкающей плитки, ни окаянных точечных светильников на потолке. Номер в точности оправдывал своё название — паркет, крашенные в синий цвет стены, дубовые шкафы в стиле модерн, полосатые кресла, оттоманка возле самого окна, а рядом старинный торшер, наводивший на мысль о толстой книге и чашке английского чая, письменный стол с чернильным прибором, головой купидона и зелёной лампой на полированной каменной подставке.

Илья подошёл и приподнял лампу. Она тяжеломерно покачнулась и поехала у него в руке — всё настоящее, никаких пластмассовых подделок.

— Всевышнему Богу, — пробормотал профессор Субботин, отёрнул белоснежную тонкую штору и посмотрел вниз, — и людям известно, что трачу я деньги, добытые честно...

...Кто такой этот всесильный и оборотистый Олег Павлович, принимавший его по первому разряду и воздвигший в номере в сельской гостинице дубовые шкафы в стиле модерн? Что за таинственное убийство произошло в этом уютном и странном мире? Что за люди живут за толстыми глухими стенами?..

...Пожалуй, расследование обещает быть интересным, хотя задача и кажется чрезвычайно простой. Поначалу профессор сомневался, стоит ли соглашаться — он не любил примитивных загадок! — а сейчас радовался, что согласился. Курс лекций, которые он читал студентам, начинался со второго семестра, и осенью, как правило, ему особенно нечем было заняться.

Какое-то движение внизу на лужайке привлекло внимание Субботина, но видно было плохо. Он выключил свет — комната как будто ухнула в непривычную, немосковскую темноту — и снова посмотрел вниз.

Этой стороной особняк был обращён в парк, и в темноте казалось, что парк огромен и запущен, как лес. Белый плотный туман, подпёртый снизу светом из окон, лежал над травой пластами. Не было видно ни дорожек, ни тропинок. Илья почти прижимался носом к холодному стеклу, и дыхание то расплзлось у него перед глазами, то медленно таяло, и он снова начинал видеть. Тёмный силуэт, темнее деревьев, неторопливо двигался к дому, возникая и вновь проваливаясь, как в чернила. Илья вдруг подумал, что сейчас человек поднимет голову и увидит его, и почему-то от этой мысли ему стало не по себе.

— Чепуха, — пробормотал профессор Субботин, которому было не по себе. — Нонсенс! У вас же свет не горит, юноша. Снаружи ничего не может быть видно!..

Человек внизу некоторое время стоял неподвижно, словно поджидая кого-то. Илья прислушивался, но ничего не было слышно. Очень осторожно он повернул щеколду — в номере люкс «Николай Романов» на рамах были щеколды, — и, сильно и коротко дёрнув, приоткрыл окно.

Сразу зашумели листья, как будто листопад вошёл в комнату, потянуло сырým ветром и грибами.

— Ты где? — донеслось снизу. — Я тебя жду!

Человек ещё постоял немного, словно прислушиваясь, а потом побрёл обратно и вскоре исчез, растворился в тумане.

Илья перевёл дыхание.

Ничего не могло быть ни странного, ни подозрительного в том, что вечером по парку гуляет мужчина. Мало ли людей любит гулять по вечерам в парках!.. Но почему-то Илье этот человек под деревьями, явно ждавший и не дождавшийся кого-то, показался до крайности подозрительным.

Он зажжёт свет и, поворачивая рюкзак туда-сюда, нащупал карман и достал записную книжку и ручку. Илья любил современные технологии, охотно ими пользовался, но действительно важное привык доверять бумаге. Он с удовольствием уселся за письменный стол — всё самое лучшее и самое интересное в его жизни происходило именно за письменным столом, — зажжёт лампу и написал на желтоватой упругой странице: «Олег Павлович. Убитая Лилия Петровна и её дочь. Машина и водитель. Человек возле магазина. Повариха Клавдия. Шарф в кармане у задержанного».

Немного подумал и решил, что лучше не дописать, чем написать лишнее, перевернул страницу и нарисовал с обратной стороны огромный вопросительный знак.

«Народный промысел» оказался закрыт на замок, да ещё заложен поперечной перекладиной — кривовато. Впрочем, на такую удачу, как открытый в девять утра сельский магазин, Илья не особенно рассчитывал.

«Промысел» располагался в отдельном домишке, ни слева, ни справа не было ни домов, ни заборов, только яблони с пожухлыми, скрученными, побитыми первыми морозами листьями и почти облетевшие клёны. Магазин был справный, как будто подновлённый, как и дома на главной улице этого необыкновенного села, выкрашенный весёлой жёлтой краской, и казалось, что на него откуда-то светит солнце, хотя день начинался серый, маетный. В окнах его были выставлены манекены — серые, обрубленные сверху и снизу торсы. К торсам пришили кружевные воротники, манжеты, манишки, а в соседнем окне манекен был наряжен в вязанную крючком жилетку. Жилетка странно смотрелась на сером подобии человеческого тела, и хотелось её запахнуть. Приблизившись к окну вплотную и приставив козырьком ладони, Илья попытался рассмотреть, что там, внутри, и ничего не рассмотрел. С той стороны были задёрнуты шторы.

Он обошёл «Народный промысел» кругом, изучил все окна и зачем-то подёргал перекладину. Вот и лавочка, на которой, как рассказал словоохотливый водитель, незадолго до убийства дремал какой-то человек, и это совершенно точно был не Петрович, потому что Петрович в это время поднимался от пристани вверх.

...Почему оборотистый и ловкий до невозможности директор Дома творчества, как

отзывался о нём дедок из электрички, так уверен, что Петрович не виноват? Почему это вообще пришло ему в голову? Почему по селу Сокольничьему ходят такие слухи? И что это за слухи — самые обыкновенные, ни на чём не основанные, как большинство слухов, или всё же кто-то что-то видел, запомнил, сопоставил?

Илья уселся на скамейку, глубоко засунул руки в карманы, закрыл глаза и прислушался к себе и окружающему миру.

В себе слушать было нечего — профессор Субботин сердито помалкивал. Во-первых, он терпеть не мог рано вставать, во-вторых, никогда не делал выводов, не располагая сколько-нибудь достоверными фактами, а фактов покамест не было никаких.

Окружающий мир поначалу не давал о себе знать — просто тишина, какой никогда не бывает в больших городах, — но постепенно стал проявляться. Вот отдалённо прогрехотала по брусчатке тяжёлая машина, и снова стало тихо. Хлопнула какая-то дверь, тоже неблизко. Из-под горушки, куда сваливалась шоссейная дорога, зазвучали голоса, но что они говорили — не разобрать. Видимо, там как раз пристань. Вдруг где-то электрическим звоном зашёл звонок, и Илья подумал, что, должно быть, в местной школе кончился первый урок. Зашуршало совсем близко, пришлось открыть глаза. По опавшим листьям неторопливо бежала чёрная кудлатая собачонка, она остановилась, когда он пошевелился.

— Ты чья? — спросил Илья.

Собачонка повела ухом и отправилась по своим делам, вновь зашуршали листья.

Он поднялся и пошёл к перекрёстку.

Что-то хорошее ожидало его, и эта мысль о хорошем была очень определённой, но он никак не мог вспомнить. Вспомнилось только, когда он повернул за угол и увидел двухэтажный купеческий особняк — свой нынешний дом. Ну конечно!.. Завтрак!.. Хвалёная повариха Клавдия на самом деле оказалась какой-то волшебницей. Ужин он съел до крошечки, удивляясь, что такой талант пропадает в селе Сокольничьем. Впрочем, может, и не пропадает вовсе, а, наоборот, процветает?

Во всём этом ещё предстоит разобраться.

В приятных мыслях о завтраке и таланте Илья обошёл лужу — в кедах ноги совсем замёрзли, а другой обуви он почему-то не захватил, — и пройти ему оставалось всего ничего, когда из-за поворота прямо на него вылетела машина. Он не заметил её, потому что приближалась она стремительно и бесшумно, и она убила бы его, если б в последний момент, заметив её боковым зрением, он не отшатнулся назад. Падая, он, как в замедленном кино, увидел длинный-длинный полированный бок, хромированные диски колёс и ещё что-то огромное, блестящее, железное, промчавшееся в десяти сантиметрах от его головы.

Он упал на спину и в этом замедленном времени удивлённо и беспомощно ждал, когда в лицо ему ударит холодная грязная волна, поднятая колёсами машины.

Вода плеснула в лицо, он замотал головой, и время, остановившись на мгновение, вернулось к своему обычному ритму.

Илья Субботин осознал, что лежит в луже посреди села Сокольничьего и вода натекла ему в штаны и ботинки, а машина, чуть было не сбившая его, давно уехала.

Очень неловко он встал на колени, опёрся на руки и поднялся. В ушах шумела кровь, с пальцев капало, дышать было тяжело. Улыбаясь смущённой идиотской улыбкой, которая как бы должна была продемонстрировать неким невидимым свидетелям, что всё происшедшее просто шутка, он выбрался из лужи на асфальт, зачем-то потопал ногами — в разные стороны полетели брызги и песок — и поотряхивал джинсы.

Шум в ушах немного утих.

— Нужно переодеться, — сам себе сказал Илья фальшивым голосом. — Всё мокрое.

Деловито размахивая руками, он зашагал к эркеру, и единственное, что заботило его, — чтоб никто не попался навстречу, таким униженным он себя чувствовал. Если б кто-нибудь попался, он сгорел бы со стыда, и этот стыд казался ему страшнее, чем пролетевший в сантиметре от головы многотонный металлический снаряд.

Как крыса, он прошмыгнул по лестнице на второй этаж в люкс «Николай Романов», захлопнул за собой дверь и только тут смог отдышаться.

... Машина вылетела совершенно неожиданно и так быстро! Он ничего не заметил. Он даже приготовиться не успел. Если бы успел, то не оказался бы в таком идиотском положении!

Илья стягивал и швырял как попало мокрую одежду. Профессор Субботин испуганно помалкивал.

... Откуда она взялась, эта машина? Он, Илья, пришёл со стороны пристани, правильно? Магазин «Народный промысел» стоит на горке, а ниже река или водохранилище и... что там есть ещё? Какая-то скоростная магистраль, с которой могла свернуть машина?! Он ведь даже не разглядел ни цвета, ни марки — страх как будто на мгновение лишил его зрения.

Илья выудил из шкафа в стиле модерн джинсы, футболку и кофту на пуговицах и стал одеваться. Вчера вечером занудливый и педантичный во всём профессор Субботин разложил вещи «по местам», он всегда так делал во всех поездках и командировках!..

«... Меня собирались... убить? Кто и за что?! Я ещё даже не начал расследование! Но эта вылетевшая непонятно откуда, словно с неба упавшая машина только чудом не убила меня».

— Секундочку, — вслух сказал несколько приободрившийся профессор Субботин, — секундочку, юноша! Вам прекрасно известно, что переехать машиной человека, да ещё так, чтобы он помер, — очень ненадёжный способ убийства! Вы же физику знаете! Напугать — допустимо, сбить — вполне возможно. Но убить?

Илья сердитым рывком натянул футболку. «Со страху у меня разум помутился, — решил он, и щекам стало жарко, и щетина заколола как-то особенно остро. — Никто не собирался меня убивать!.. Тогда что? Пугали? Зачем и кто? Что такого я сказал или сделал, что меня имело смысл вот так пугать?»

Никаких других бабшаков, кроме насквозь промокших и грязных кедров, у него не было с собой, и он сунул ноги в носках в идиотские беленькие гостиничные тапки. Какая разница!.. Наверняка Дом творчества и не такое переживал!

В ресторане негромко играла музыка, звякала посуда и какие-то люди разговаривали — вчера он ужинал один и сейчас от удивления даже остановился в дверях.

— На любое свободное место садитесь, — вежливо сказала девчушка в кружевном переднике и наколке на завитых волосах. — Вон у окошка свободно, хотите?

— Здрости, — в воздух сказал Илья Сергеевич Субботин и прошагал к столу «у окошка». Беленькие тапочки держались плоховато, он то и дело ловил их, делая антраша ногами.

— Доброе утро, — отозвался бодрый пожилой джентльмен, читавший над чашкой чая и остатками яичницы ярославскую газету, и проводил его глазами. Остальные промолчали.

Илья уселся, мстительно вытянув длинные ноги так, чтоб уж точно все увидели его тапочки.

Некоторое время он смотрел в окно, затем в карточку меню, подsunутую завитой девчушкой, а уж потом, дав присутствующим насладиться собой, перевёл взгляд на

ресторанный зал и принялся рассматривать его заново, хотя вчера за ужином изучил довольно подробно.

Скатерти были белыми, стулья в малиновых чехлах. Стена увешана многочисленными часами, барометрами и прочими приятными глазу штуками. Странное дело, но все часы шли и даже показывали правильное время!.. В торце небольшой зальцы стояло кабинетное пианино, и на нём тоже были часы, одни явно старинные, с эмалевой крышкой. Профессору Субботину захотелось подойти и изучить их поближе, но Илья профессора остановил, не пустил. В простенках между окнами висели картинки — акварели, довольно милые.

Ну вот, а теперь пришёл черёд гостей Дома творчества. Кто здесь сценаристы, режиссёры, писатели, художники и поэты?

И тут же Илья столкнулся взглядом с мрачной девахой, облачённой в чёрные одежды. Деваха сидела напротив, что-то активно жевала, работала челюстями и смотрела на него, не отрываясь. На голове у неё были дреды, а голые по локоть руки все в наколках.

Профессор слегка усмехнулся, но Илья не дал ему сказать ни слова.

— Приятного аппетита, — пожелал он девахе.

Она проглотила то, что жевала, моргнула и произнесла низким отчётливым голосом:

— На редкость идиотское выражение.

Пожилой джентльмен выглянул из-за газеты и опять скрылся, какая-то девушка, сидевшая к ним спиной, оглянулась и сморщилась, будто от сдерживаемого смеха. В руке у неё был телефон.

Илья молчал, но глаз не отводил. Деваха скатала из хлеба шарик — у неё были длинные красивые пальцы, — кинула его в рот, опять с силой прожевала и продолжила:

— Желать приятного аппетита в нашей цивилизации — бред и враньё. Нужно желать мерзкого аппетита, чтобы не жрать! Сейчас жрать немодно. И потом — скоро на планете не хватит еды, и куда мы денемся с этим приятным аппетитом?

— Субботин Илья, — представился профессор вежливо.

Деваха махнула на него рукой. Зазвенели браслеты, брелоки и цепочки, намотанные на запястье. Так же колыхнулись цепи и кресты на бюсте. Бюст у неё был выдающийся, и Илья задержал на нём взгляд.

— Зачем мне ваше имя? Вы кто?

Илья осторожно уточнил, в каком смысле — кто?

— Вот именно, — заключила деваха. — И я об этом! Вам всем нужен смысл, и вы не можете понять, что никакого смысла нет. Есть только бессмыслица и скука.

— Ещё кофе? — тихонько спросила официантка, и деваха пробасила:

— Только нормального налейте, а не холодных помоев!

Пожилой джентльмен смял газету, подозвал официантку и что-то ей зашептал. Она зарделась, и джентльмен отечески потрепал её за локоток.

Вот как, подумал Илья.

Молодой человек, сидевший со смешливой девушкой, выглянул из-за её плеча, кивнул Илье и опять уставился в телефон, от которого не отрывался ни на минуту, ещё какой-то тип, очень лохматый, в болотного цвета свитере, тоже попросил кофе. А дама в самом углу так и не подняла глаз от планшета.

Илье принесли две тарелки с какой-то закуской, и деваха в дредах сказала на весь зал:

— Приятного аппетита желать не буду!..

— У нас всегда вкусно, — обиженно пробормотала официантка у его уха. — Правда

вкусно!

— Я знаю. — Илья улыбнулся ей.

Он ел, стараясь не стрелять по сторонам глазами. Вчера вечером не удалось увидеться с директором, и это плохо! Он ничего не знает об этих людях, а следовало бы знать. Впрочем, он встретится с директором сразу после завтрака.

Омлет с сыром и зеленью был прекрасен, как молодая луна. Его полный, нежный край с тонкой корочкой возвышался над тарелкой, и весь омлет дышал и двигался, как живой. Илья некоторое время любовался им. На него имело смысл сначала полюбоваться, а только потом есть.

Девушка в дредах вдруг захохотала, и Илья поднял на неё глаза.

— Вы любуетесь жратвой, как картиной, — сказала она и опять захохотала. — Или вы этот? Как его? Натюрмортчик? Натюрморты пишете?

— Натюрмортов я не пишу, — признался Илья и вилок прикоснулся к огнедышащему омлету. Есть его было жалко.

В дверях зальцы произошло движение, кто-то провозгласил торжественно и даже отчасти празднично:

— Друзья мои!

Все завтракающие оглянулись. На пороге стояла невысокая худая замученная женщина со стянутыми в пучок гладкими волосами и в очках. Она изо всех сил улыбалась.

— Друзья! Доброе утро! Мы очень рады, что к нам присоединился ещё один гость! Здравствуй, — она приложила руку к сердцу и поклонилась Илье. Он вскочил и тоже поклонился. — Сидите, сидите, что вы!.. Все позавтракали? Прекрасно! Напоминаю вам, что сегодня утром у нас экскурсия! Да-да, экскурсия! В Музей музыкальных феноменов! Это уникальный музей, единственный в России, где вы сможете увидеть всю эволюцию музыкальных инструментов! Допивайте кофе, я жду вас внизу! Да-да, внизу!.. Музей здесь рядом, экскурсия недолгая и очень приятная! Нам повезло, сегодня утром нет детских групп! Всё можно будет посмотреть, потрогать своими руками, сфотографироваться и сделать селфи с нашими уникальными экспонатами! — Тут она подмигнула игриво, словно сообщила некую тайну. — Жду! Всех жду внизу!..

И она исчезла так же внезапно, как и появилась. По лестнице протопали её резиновые боты.

Весёлая девушка тихонько рассмеялась ей вслед, поднялась, засовывая телефон в карман, и потянула своего соседа:

— Ванюш, мы же пойдём в музей? Давай, давай, вставай!..

— Подожди, я ещё один пост лайкну.

Джентльмен аккуратно сложил газету и пробормотал:

— Вот как тут откажешь? Нужно идти!

И деловито зашагал к выходу. Лохматый человек в болотном свитере поплёлся за ним следом. А дама в углу подняла глаза, оглядела зал и опять принялась читать. Теперь она читала какие-то бумаги, по виду похожие на договоры, планшет валялся на соседнем стуле.

Илья с удовольствием ел омлет.

— А вы чего? Не пойдёте феномены изучать?

Девушка в дредах качалась на стуле и ковыряла во рту зубочисткой.

— Я ещё не решил.

— Да, — согласилась девушка. — Неохота. Всем неохота!.. Но все пойдут. И знаете

почему?

— Почему?

— Потому что притворяются.

Илья вопросительно смотрел на неё. Профессор Субботин отлично умел задавать своим студентам вопросы, не говоря ни слова. Эти безмолвные вопросы были гораздо труднее тех, что он произносил вслух.

Деваха сообразила, что от неё ждут продолжения, и послушно продолжила:

— Да, да, притворяются! Они все притворяются благородными людьми! И что жалеют Зою Семёновну, тоже притворяются! А как же! У неё в магазине кого-то там зарезали, она в истерике была.

— Зоя Семёновна? — уточнил Илья.

— Ага, — и деваха кивнула в сторону дверей, — вот эта, которая зазывала! Она ещё экскурсовод во всех местных музеях. Есть экскурсия — есть баблишко! Нет экскурсии — обломись! Все такие добрые, такие хорошие, и все врут!..

— Понятно.

Он доел омлет, одним глотком влил в себя кофе, нашарил на полу беленькие тапочки и поднялся.

Деваха, запрокинув голову, изучала его.

— Злитесь, — констатировала она с удовольствием. — А на меня все злятся. Я всех вывожу из себя! Вот и вас тоже! Вы теперь меня возненавидите?

Профессор Субботин помедлил, потом поманил её пальцем. Она — дурёха! — удивилась и поднялась.

— Даже не надейтесь, — сказал он ей на ухо.

На лестнице его догнала дама с договорами и планшетом. Он посторонился, пропуская её.

— Вы выиграла, — сказала дама и улыбнулась ему. — Наша поэтесса сидит там и строит планы мести. Не обращайтесь на неё внимания.

— Она поэтесса?

— Говорит, что да. В Сети сейчас множество поэтов и поэтесс.

— Ах, в Сети.

Дама улыбнулась ещё шире и подала руку. Рука была узкая, ухоженная, со сложным и тяжёлым кольцом на безымянном пальце.

— Екатерина. Можно Катя.

— Илья, больше никак нельзя.

— Ну что? В музей?

Он сказал, что ему непременно нужно повидать директора, и в нарядном вестибюле они разошлись в разные стороны.

Идти к неведомому Олегу Палычу в тапочках было как-то неловко, а с другой стороны — в чём тогда идти?..

Однако вчерашняя приветливая женщина за конторкой сказала, что директор ещё не приехал, он никогда в такое время не приезжает. Всё больше после двенадцати.

Илья Сергеевич вдруг разозлился.

В конце концов, он явился в Сокольничье только и исключительно потому, что Олег Павлович умолял его об этом — да-да, вот именно, умолял! И просил выкроить время, обещал заплатить! Вот именно, заплатить!.. Почему теперь, приехав, он, профессор

Субботин, вынужден гоняться за ним, караулить, выяснять, когда директор объявится?!

Самым правильным было сию минуту пойти в музей, поговорить с Зоей Семёновной, под носом у которой произошло убийство, оглядеться по сторонам, познакомиться с обитателями Дома творчества, раз уж директор не удосужился ему о них рассказать, но... кеды? Он бросил их посреди номера «Николай Романов», и когда уходил завтракать, на паркетную розу натекла небольшая грязная лужица!

— У вас есть обувной магазин? — хмуро спросил он приветливую конторщицу.

— Обувного нет, — расстроилась она. — Хозяйственный — это да, есть, сразу за почтой.

— То есть башмаки негде купить? — продолжал приставать Илья, хотя всё было ясно.

— За площадью есть магазинчик, «Торговля Гороховых» называется. Они огурцами солёными торгуют, капусткой квашеной, мёдом. Иногда у них бывают... резиновые, кирзовые тоже... сапожки. Вам не подойдут, наверное.

— Наверное, — проскрежетал Илья Сергеевич.

...Не ехать же в Ярославль из-за того, что какой-то придурок на машине загнал его в лужу!..

В своих «апартаментах» он натянул мокрые и грязные кеды — ногам сразу стало противно и холодно, да ещё как-то местами, и нужно было ждать, когда противно и холодно станет везде, — куртку и вышел на улицу.

Зоя Семёновна притоптывала на месте и делала энергичные движения руками — грелась в ожидании экскурсантов. Молодая парочка на берегу пруда кормила уток — молодой человек бросал хлеб, а девушка фотографировала себя на фоне молодого человека и уток; пожилой джентльмен прохаживался в отдалении, как будто маршировал на плацу; лохматый тип сидел на лавочке, свесив голову, и рассматривал букашку, ещё не впавшую в зимний сон. Букашка неторопливо ползла по жёлтой плитке.

— Ну вот, почти все в сборе! — возликовала Зоя Семёновна, когда позади Ильи хлопнула дверь и показалась Екатерина, закутанная в элегантные дымчатые меха. — Больше никого не ждём! Или ждём?..

Остренький носик экскурсоводши покраснел, она то и дело шмыгала им и поддёргивала сползающие очки. Ей бы решительно не помешали меха — хоть дымчатые, хоть недымчатые, любые.

— А где это «Торговля Гороховых», не знаете? — негромко спросил Илья у джентльмена. Тот сдёрнул перчатку и сунул ему холодную сухую руку:

— Николай Иванович.

— Илья Сергеевич. Можно просто Илья.

— Конкретно про Гороховых не знаю, а торговля здесь повсюду, — сообщил тот. — Вон магазин, и с той стороны пруда тоже магазин.

— Мне бы ботинки купить.

— Ботинки? — удивился джентльмен и скользнул взором по субботинским кедам. Сам он был в блестящих коричневых ботинках хорошей кожи и на солидной подошве. — Этого не знаю, не скажу. А огурцы солёные тут знатные!

— За мной, за мной! — призывала Зоя Семёновна. Она шла спиной вперёд и на ходу говорила: — Село наше на Ярославской земле было не просто знаменитым! Слава о нём неслась по всей России-матушке, и не только потому, что здесь выращивали знаменитые сокольничьи огурцы! Хотя и поэтому тоже! Сокольничье — огуречная столица России!

— А Луховицы что же? Не столица? — спросил Николай Иванович и погрозил Зое Семёновне пальцем. — Там даже памятник огурцу установлен!

— Памятник памятником, а наши огурцы к царскому столу подавали и за тыщу вёрст на подводах отправляли — вниз, в Астрахань, и вверх, в Кострому, хотя костромские огурчики тоже неплохие! Но, как мы знаем, на вкус и цвет...

— Все фломастеры разные, — пробормотал рядом лохматый, и Илья оглянулся на него. На лице у того отражалось страдание, глаза были красные и воспалённые, он поминутно облизывал обветренные губы.

— Водички нет с собой? — спросил лохматый, когда Илья оглянулся. — Я из ресторана чего-то... не догадался...

...Должно быть, вчера лохматый пил и остановился только под утро. Интересно, с кем он мог пить? Никто из экскурсантов не подходил ему в компанию! Один?..

— ...Знаменитый кирпичный завод! Здесь неподалёку на берегу реки Ухтомки подрядчик Крапивин в первой трети девятнадцатого века основал небольшой кирпичный заводик. Он был очень удачно расположен, да и глины хватало, и она была хорошего качества, и дело у Крапивина пошло. Вот почему село Сокольничье стало быстро богатеть и развиваться. В некоторых документах того времени наше село именуется городом. Считается, что Сокольничье похоже на Санкт-Петербург!

Двигаясь в небольшой группе и стараясь не думать о мокрых носках, Илья смотрел по сторонам.

...Удивительно, что в одном месте сохранилось так много крепких, солидных купеческих домов и особнячков. Войны и революции, на дыбы поставившие весь мир, не наделали здесь особенных бед? Но почему? Как это получилось?

С правой стороны в ряд стояли домики, похожие на магазин «Народный промысел», возле которого Илья утром сидел на лавочке, — двускатные крыши, круглое чердачное оконце, невысокое крылечко. «Продуктовая лавка» — сообщала длинная жёлтая вывеска, устроенная на старинный манер. С левой стороны морщился от ветра пруд, загороженный широкой плотиной. По плотине неторопливой рысью бежала каурая лошадка, катила тележку, на которой боком сидел мужичок в телогрейке и картузе.

Илья вдруг подумал, что в тележке в соломе непременно должны быть яблоки, твёрдые, красные осенние яблоки, холодные и восковые на ощупь. Порыться в соломе, залезть поглубже, раскопать такое яблоко, крепко обтереть его ладонями и надкусить, чувствуя, как стыннут в плотной холодной мякоти зубы!..

Лошадь с тележкой, аккуратные домики, колокольня на той стороне и ещё, кажется, баня с подпёртой дверью — всё было из другой жизни, о которой Илья Субботин читал и которой не могло быть в действительности, но странным образом действительность соответствовала нарисованной воображением картинке.

— ...Российское предпринимательство шло своим, особенным путём, — надрывалась Зоя Семёновна. — Как нам известно из курса политической экономии, к концу восемнадцатого века в Европе уже всюду развивалась промышленная революция...

— Ох, не могу я больше, — пробормотал рядом лохматый и скорым шагом двинул в сторону дома с жёлтой вывеской.

— Матвей! — закричала ему вслед несчастная Зоя Семёновна. — Матвей, вы куда? Нам дальше!

— Я догоню! — не останавливаясь, махнул рукой Матвей, и тяжёлая дверь на длинной

скрипучей палке с пружинным звоном захлопнулась за ним.

— Болеет парень, — констатировал Николай Иванович. — По всей видимости, вчера злоупотребил!

— С кем не бывает! — радостно сказал Ванечка. — Я однажды тоже так набрался, наутро думал — помру. Помнишь, Лилечка?

Весёлая девушка махнула на него рукой:

— Ну тебя. Хорошо, что меня мама тогда домой забрала, а то бы я с тобой ещё возилась!

— А кому ещё со мной возиться?

— Ну-у, ты будешь в клубах зажигать, а я за тобой ухаживать, что ли? — И она бросила в него перчаткой. Он поймал перчатку, взял в зубы и стал ходить туда-сюда, изображая циркового пуделя.

Все засмеялись.

— Ждать нам Матвея Александровича или не ждать? — сама у себя спросила экскурсоводша. — Он же догонит! Как вы думаете, догонит?

В этот момент Матвей выскочил из продуктовой лавки. Карманы куртки у него с обеих сторон длинно и выпукло оттопыривались, а в руке он держал завязанный сверху полиэтиленовый пакет.

— Вот и ждать не пришлось! — возликовала Зоя Семёновна. — Итак! Кирпичный завод очень быстро стал известен не только за пределами Сокольничьего, но и за пределами Ярославля. Все кирпичи, которые завод выпускал, были именными, на них стояли такие специальные клейма, сейчас в музее я покажу вам, как они выглядели, и до сих пор в Петербурге, да и в Москве в старинных домах можно увидеть кирпичи именно с нашими клеймами.

Илья, двигая ногами в мокрых кедах, пошёл следом, но кто-то придержал его за руку. Он оглянулся.

— Слушайте, мужики, — сказал Матвей, обращаясь к Илье и Николаю Ивановичу, и облизнул губы. Николай Иванович смотрел на него полковничьим взором. — Я вот тут взял... что было. Тяпнем, а? Выручайте.

— Прямо здесь?! — спросил Николай Иванович и оглянулся.

— А закусить? — спросил Илья и тоже оглянулся.

— Закусить есть! — И лохматый Матвей потряс перед ними мокрым кульком. — Огурцы солёные. Говорят, здесь какие-то офигенные огурцы!..

Николай Иванович радостно прочистил горло и крикнул зычно:

— Зоя Семённа, куда следовать прикажете? Этот дом или соседний? Мы с товарищами отлучимся на минутку, вот... Илья Сергеевич ноги промочил! Переобуться бы! Да мы догоним!

— Где же это вы? Как же это вы? — захлопала крыльями курица Зоя Семёновна, но Николай Иванович уже удалялся бодрым пружинящим шагом, а за ним, как две большие собаки разных пород, трусили замёрзший Субботин и лохматый Матвей.

— Вон там за углом чудесная лавочка поставлена, — на ходу говорил Николай Иванович. — Мы там разместимся.

Моментально они домчались до «чудесной лавочки», и Матвей извлёк из одного кармана поллитровку, а из другого пузатую зелёную минеральную воду.

— Запивать будем? — усомнился Николай Иванович. — По-аглицки?

Илья ещё раз оглянулся. Пить с незнакомыми людьми в одиннадцатом часу утра на

лавочке ему было внове.

— А разлить?

— Есть, всё есть!..

Появились пластмассовые стаканы, водка забулькала, и командир приказал:

— Ну, взяли!

Матвей маялся, морщился и отворачивался, Илье было интересно и весело, а Николай Иванович делал дело.

— За что пьём? А! За знакомство и за то, чтоб в другой раз без последствий!..

И опрокинул водку в себя. Илья тоже опрокинул, а Матвей глотнул, задышал ртом и припал к минеральной воде.

— Что такое?! — тоном врача, распекающего пациента, воскликнул Николай Иванович. — До дна, до дна!

— Не могу я, противно мне!

— А вчера было не противно?! Давай, давай, как лекарство!

Матвей с усилием проглотил водку и зашарил в уже развязанном пакете.

— Огурцы на самом деле первый сорт, — хрустя, сказал Николай Иванович. — Интересно, что такое они в маринад кладут?..

Илья тоже взял холодный и плотный огурец в налипших укропных семечках, откусил и стал жевать.

От водки в животе моментально сделалось горячо и просторно, а от огурца солоно и терпко — хорошо!

— Ну, ещё по одной и вперёд! К искусству!

— Водку пьёте? — спросили рядом, и все трое оглянулись. — А Зоя Семённа чего? Бросили?

Утренняя собеседница Ильи Субботина, глубоко засунув руки в карманы кожаного «бомбера», с интересом взидала на водку и пакет с огурцами.

— Мне нальёте?

Николай Иванович засомневался, и видно было, что он сомневается.

— Девушкам по утрам пить не полагается, — наконец сказал он.

— Да ладно! У нас уже сто лет равноправие!

— У вас, может быть, и равноправие, — отчеканил Николай Иванович, — а у нас нет.

— Да я водки выпила больше, чем вы за всю жизнь!

— Николай Иванович, — вмешался Илья. — Вы затягиваете эпизод. Налейте ей, и дело с концом.

— А я больше не буду, — испуганно сказал Матвей, сделал шаг назад, наступил Илье на ногу и не заметил. Илья поморщился и посмотрел. На мокром кеде отпечатался след чужой рифлёной подошвы. — Я вот лучше огурчика!..

Джентльмен пожал плечами — недовольно — и разлил по стаканам оставшуюся водку.

Илья дожевдал свой огурец и вытащил из пакета ещё один.

— Как вас зовут?

— Ангел, — ответила деваха.

— Так я и знал, — сказал профессор Субботин. — Тост, Николай Иванович!

— Всем здоровья до ста лет, — четко объявил джентльмен.

Деваха фыркнула, широко разинула белозубую пасть и лихо выплеснула туда водку. Илья наблюдал с интересом. Выплеснув, деваха, ясное дело, начала надсадно кашлять, мотать

головой и выпучивать глаза. Свалявшиеся, как войлок, хвосты её причёски мотались по сторонам.

Николай Иванович покачал головой с осуждением, отвернулся и захрустел огурцом. Илья аккуратно поставил пустой стакан на лавочку, подумал — деваха задыхалась и хрипела — и с силой постучал её по спине. Она сдавленно всхрюкнула и качнулась вперёд.

— Вы если чего-то не умеете, — поучительным тоном произнёс профессор Субботин, — так не делайте или сначала научитесь!

— По... шёл... ты! — пролаяла страдальца.

Она всё продолжала кашлять, профессор опять учтиво постучал. Из-за воротника её негнушейся и громоздкой, как стог, куртки вылезла наивная белая магазинная бирка. Илья заправил бирку — профессор терпеть не мог неаккуратности!..

Побросав в урну пластмассовые стаканчики и пустую поллитровку, они устремились за экскурсией и нагнали её в нижнем этаже красного кирпичного дома, на котором значилась вывеска, что это — музей.

— Ну, взглянем, что тут за феномены, — под нос себе говорил Николай Иванович, стягивая пальто, — в знаменитом селе Сокольничьем!..

Небольшая зала была уставлена разнообразными музыкальными ящиками, фисгармониями, механическими пианино, кабинетными органами с пупырчатыми латунными валиками — по валику двигалась металлическая пластина, и орган играл музыку, — а также граммофонами, патефонами и фонографами. Были ещё музыкальные шкатулки и какие-то громоздкие машины по извлечению звука из чего угодно — из струн, деревянных и железных шутовин, с педалями и колками, войлочными молоточками и рукоятками, похожими на колодезный ворот.

— В этом помещении, — говорила не видимая за спинами Зоя Семёновна, — у нас собраны многочисленные увеселительные устройства, бывшие в ходу у жителей Ярославской губернии в конце девятнадцатого и в начале двадцатого века. В те времена, представьте себе, не было телевизоров и мобильных телефонов, и люди развлекались совершенно не так, как сейчас.

Ванечка обнял свою спутницу, они оба, как по команде, состроили одинаковые улыбки, и девушка сделала селфи на фоне механического пианино. Потом они перебежали к столу с музыкальными шкатулками и там сделали селфи тоже. Затем переместились к окну и ещё несколько раз запечатлелись.

— А где же Матвей Александрович? — вдруг спросила Зоя Семёновна совершенно другим, не экскурсионным голосом. — Потерялся?

Илья оглянулся — и вправду никакого Матвея среди собравшихся в зале не было. Странное дело. Когда же он отстал?

— Продолжайте, Зочка Семёновна, — ласково сказал Николай Иванович. — Он, должно быть, погулять решил!.. Зато мы вот... девушку к вам доставили.

Сетевая поэтесса по имени Ангел смотрела злыми глазами. Куртку она так и не сняла.

Илья голову мог дать на отсечение, что при известии о том, что Матвей «решил погулять», Зоя Семёновна огорчилась и утратила интерес к экскурсии.

Выходит, она ради него старалась?! Или дело в чём-то другом? Может, она... следит за Матвеем? Бойтся упустить его из виду?

— Здесь всё можно трогать руками, — продолжала увядшая Зоя Семёновна. — И фотографировать можно...

Видимо, это было сказано специально для парочки, которая только и делала, что фотографировалась.

— Вот такой музыкальный ящик можно было увидеть в гостиной зажиточного крестьянина или средней руки купчика. А такое развлечение могли позволить себе только люди побогаче. Инструменты покупались для жён и дочек, которые целыми днями сидели дома, и единственной отрадой для них были модные музыкальные пьески и гуляние по главным улицам. Таких в Сокольничьем было три — Ярославская, Середская и Давыдковская.

Сильные пальцы впились Илье в запястье.

— Я водку пить умею, — прошипела поэтесса. — Я поперхнулась просто!

Он скосил на неё глаза. Рукав куртки задрался, обнажив нечистую, как будто смазанную синеву татуировок.

— А ты пошляк! Водочка под огурчик, музыкальные феномены! Пальцем поманил и думаешь — умнее всех, да?

Профессор Субботин аккуратно вытащил руку из поэтессиних когтей. Такой бурной реакции он не ожидал. Нужно быть внимательнее, сказал он себе. Ссориться с ними и вообще как-то выделяться не стоит. Он ничего о них не знает, — насколько проще было бы, если б директор имел привычку приезжать на работу вовремя, а не после двенадцати! Сейчас можно только наблюдать и задавать ничего не значащие вопросы.

— Вы Матвея не видели? — примирительным шепотом спросил Илья у поэтессы. — Куда он делся, непонятно.

— Никого я не видела!..

— Да, насколько по-другому люди жили, — негромко сказала рядом Катя. — А времени-то прошло всего ничего.

Она подошла к окну, приподняла занавеску и посмотрела на улицу. Зою Семёновну никто не слушал.

— Скучно жили! — издалека поддержал Катю Ванечка. — Ведь на этой музыке далеко не уедешь! И улиц всего три! Лилечка, ты бы согласилась гулять взад-вперёд по трём улицам?

— Я?! По улицам гулять?!

— А что? Купчихи же гуляли!

— Я тебе не купчиха, — обиделась девушка.

— Нет, но если бы!..

— Я бы отсюда уехала в Париж, — объявила девушка. — В Париж ведь всегда можно уехать!

— Не всегда, — почему-то ответила Зоя Семёновна. — В Париж можно уехать не всегда. — И встрепенулась. — Пройдёмте в следующий зал, там продолжение экспозиции, и мы познакомимся с некоторыми подробностями быта жителей Сокольничьего, а также с уникальной технологией выращивания и хранения наших знаменитых огурцов.

— Лилечка, ты умеешь выращивать огурцы?

— Я умею их есть! Битые огурцы, помнишь, в китайском ресторане? Я забыла, как он называется! Вкусно было.

— Слушай, давай ещё на фоне вот этой штуки щёлкнемся!.. Ты выкладываешь?

— Да выкладываю, но здесь вай-фая нет! Только мобильный Интернет, и тот еле шевелится.

Поэтесса большими шагами пошла к выходу — музыкальные феномены задрожали и

забрэнчали ей вслед, — хлопнула дверь.

— Отряд не заметил потери бойца! — провозгласил Николай Иванович. — Екатерина, если желаете, могу вас сфотографировать. Возле окна романтично.

— Нет, спасибо, — отказалась Катя. — Пойдёмте, там Зоя Семёновна одна.

Из музея Илья выходил самым последним. Он долго рассматривал фотографии, запечатлевшие бородатых мужчин в шапках пирожком, коротких пальто и сапогах и женщин в длинных юбках и блузках с широкими рукавами. Рядом с женщинами, как правило, было несколько перепуганных детей в белых рубашках и улыбочивая такса. Дальше следовали фотографии возов, в которых лежали огурцы — холмами, а потом фотография площади, судя по колокольне, той самой, на которую выходили окна Дома творчества.

Ванечка и Лилечка давно умчались, Николай Иванович проследовал за Катей — на некотором расстоянии, но всё же не отдаляясь, а Илья продолжал рассматривать фотографии. Ноги в музейном тепле как будто размокли, и теперь в кедах хлопало по-настоящему.

Наконец Зоя Семёновна вышла из двери с табличкой «Служебная» и стала торопливо спускаться по деревянной крашеной лестнице. Локтем она прижимала большую сумку, похожую на кошёлку, а другой рукой заправляла под капюшон волосы.

— Зоя Семёновна!

— А! — Она испуганно оглянулась.

— Прошу прощения. Где здесь «Торговля Гороховых»? Мне бы обувь какую-нибудь купить.

Она посмотрела с сомнением:

— Тамошняя обувь вам не подойдёт, — сказала она. — Ну, ступайте за мной, я покажу.

Она придержала перед ним дверь.

День разошёлся, и тучи разошлись, выглянуло солнце, и стало ещё холоднее. Илья пожалел, что он без шапки.

Всё вокруг было залито холодным ярким светом. Колокольня упиралась золотым крестом в одинокое облако с сизым набрякшим дном. Листья, устилавшие траву, были ещё цветными, сочными. На берегу речушки с другой стороны плотины стояла большая задумчивая лошадь с мохнатыми ногами. Какие-то мальчишки прокатили на велосипедах и взвились в горку, как стайка воробьёв.

Зоя Семёновна покачала головой:

— Холод такой, а они на велосипедах. Отчаянные! Хотя им лишь бы в школу не ходить.

Илья хотел было спросить, есть ли у неё дети, но передумал и не стал спрашивать.

— Хорошее у вас село.

— Да всё Олег Палыч! Если б не он, ничего бы тут не было. С него всё началось. И работа появилась, и народ поехал!

«...Ну, это я уже слышал», — подумал Илья.

— В Доме творчества народу, прямо скажем, не очень много.

— Так ведь осень, — Зоя Семёновна на ходу пожала плечами. — Сейчас ни купания, ни ягод-грибов. И не погуляешь особенно.

— А наша повариха Клавдия за грибами ходит.

— Так ведь она знает, куда идти-то! У неё отец до снегов грибы носил, и она умеет. А я даже летом пойду, все с полными корзинами, а у меня три грибочка. Во-он «Торговля Гороховых», видите? Тут у нас всё на виду, рядышком.

— А там что? Часовня какая-то?

— Источник, целебный. Правда, правда! Спуститесь, попейте водички. Повредить точно не повредит, а то и поможет!..

— Зоя Семёновна, а правду говорят, что у вас тут недавно женщину убили?

Она остановилась. Очки сползли, и она неловко поправила их пальцем.

— Да что же это такое, а? — спросила Зоя и раздула ноздри. — Сколько ж это будет продолжаться?! Что вы все ко мне привязались?! Я не виновата, что он её убил! И не знаю, не видела!

Илья не дрогнул.

— Извините меня, — взмолился он и прижал руку к куртке, то есть как бы к сердцу. — Я только что приехал, и... ну, мне рассказали!.. Вы же интеллигентный человек и всё понимаете. Для Сокольничьего это тема номер один на много лет вперёд! Все будут спрашивать!

Упоминание об интеллигентности несколько смягчило Зою Семёновну, и профессор Субботин себя похвалил.

— А мне что делать? Пристают и пристают! Господи, уеду я отсюда, только бы не приставали! Да ещё Витька! Он мухи не обидит, а тут говорят — убил!..

— Так, может, не он убил? Как вы думаете? — осторожно спросил Илья и ошибся!..

Зоя Семёновна стала хватать ртом воздух, замахала на него кошёлкой, замотала головой и стала отступать:

— Что тебе надо?! Что ты ко мне привязался?! Витька убил! Витька убил и сидит! Он, он убил!.. И пусть сидит!

И она бросилась бежать, оставив удивлённого профессора посреди залитой холодным солнцем площади.

— И эту тоже из себя вывел? — спросили рядом. — Или ты просто её укусил?

— Где вы прятались? — осведомился профессор Субботин. — Под кустом? Я вас не заметил.

— Я не пряталась, — объявила поэтесса. — Я просто хотела тебе сказать, что всегда нужно точно знать, с кем имеешь дело! Иначе попадёшь впросак, понял? Вот ты же меня совсем не знаешь!

Раздумывая, что могло так напугать Зою Семёновну, Илья отрицательно покачал головой.

— Не знаешь, — подтвердила поэтесса. — И не узнаешь никогда! А мне, может, просто скучно жить!

...Витька, судя по всему, и есть тот самый алкоголик Петрович, бывший муж экскурсоводши. Почему она закричала — Витька убил и сидит?.. А до этого сказала — он мухи не обидит? Что из этого правда? И почему так важно, что сидит этот самый Витька?

— Я решила, что всем и всегда буду говорить правду. Вот ты часто говоришь правду? Или тебе плевать?

Зоя Семёновна скрылась за углом, пропала из глаз. Илья перевёл взгляд на поэтессу, которая топталась рядом.

— Почему вы называете меня на «ты»? Что за амикошонство? — осведомился профессор Субботин.

Деваха фыркнула, её дреды колыхнулись. Она сунула в них палец с розовым ногтем и энергично почесалась.

— Какие он слова знает! Сколько тебе лет, умник?

— Э-э... тридцать пять.

— Так ты ещё молодой! — И она с силой стукнула его по плечу. — Я думала, ты старше!

А я всех молодых называю на «ты». Я терпеть не могу притворства!.. Зачем люди называют друг друга на «вы»? Затем, что они притворяются вежливыми! На самом деле всё сводится к тому, что никто никого не уважает, в грош не ставит! А зачем тогда выкать?! Ты историю русского крестьянства читал?

Илья ещё постоял немного, раздумывая, и пошёл в сторону «Торговли Гороховых».

— Так вот там написано, что на «вы» обращались только к барину, да и то к чужому!

Понимаешь? Крестьяне были от земли, от самого корня жизни, они не умели притворяться!

— А почему вы привязались именно ко мне? — поинтересовался профессор Субботин. — Почему не к Матвею?

— Я к тебе не привязывалась! — вспыхнула деваха. — Ты просто вёл себя, как классная дама! И я решила с тобой поговорить. Может, ты ещё не совсем потерян! Может, в тебе есть нечто человеческое и с тобой можно договориться!

— Договориться со мной нельзя, — перебил Илья. — Как вас зовут? В паспорте что написано?

— Ангел, — сказала деваха, и у неё покраснела шея. — Тебе что, паспорт показать?

— Ни в коем случае! — возразил профессор Субботин. — Вы разразитесь речью о бесполезности документов и о том, что у русского крестьянства вовсе не было паспортов. Зайдём?..

Он распахнул и придержал перед ней крашенную коричневой краской дверь в «Торговлю Гороховых».

В лавке было полутемно и сильно пахло укропом, тмином и ещё чем-то, принадлежавшим к соленьям и маринадам. С правой стороны тянулась длинная конторка со старинными весами — две чашки на длинных цепях, в чашках гирьки. Под сводчатым амбарным потолком висели непонятного назначения ткани, а вдоль стены стояли сундуки и бочки. В бочках громоздились, придавленные камнями, разбухшие деревянные круги.

За конторкой никого не было.

— И где тут могут быть сапоги? — сам у себя спросил Илья. — Кирзовые или хотя бы резиновые?

— Какие сапоги? Ты чего, коллекционируешь сапоги? Или ты с ними фотографируешься?

— Я ношу их на ногах, — сообщил профессор Субботин. — Как русское крестьянство. Об этом написано в книге, которую вы читали?

...Он вовсе не собирался её дразнить! На самом деле не собирался! Отчего-то ему было жаль нелепую деваху с её голой замёрзшей шеей, синими руками и слишком огромной и неудобной курткой с дурацкой магазинной биркой! Нельзя было поддаваться жалости, и он старательно не поддавался.

— Здравствуйте, здравствуйте, проходите, — налегая на «о», пропела толстая бабка в платке, вынырнувшая из задней двери. — Вам чего, родненькие? Огурчиков, капустки?

— Говорят, у вас сапоги бывают?

— Сапоги-и? — протянула бабка тоже как-то округло. — Есть, как не быть! Резиновые, есть и кожаные. Поглядите?

Она вывалилась из-за конторки, они посторонились, подкатилась к тёмному буфету,

открыла дверцу, упористо стала на колени и зашарила внутри.

— Вот одни сапожки, резиновые, а вот ещё... щас... кожаные...

Из буфета вывалились огромные уродливые штуки — «сапожки резиновые», а потом ещё что-то. Поэтесса ткнула пальцем в кучу:

— Ты вот это носить собираешься? Или ты рыболов-спортсмен?

— В резиновых уж холодно, хотя если носок поднадеть, может, и ничего, — говорила бабка. — А кожаные одни у меня такие, это дядя Вася Галочкин пошивает, он уж старенький совсем, а сапожник знатный. К нему в семидесятых из Ярославля модницы ездили обувь заказывать. И председателю райисполкома, и колхозному начальству только он сапоги и шил. А как на колодку сажал, как бочкí прилаживал, лучше всех покупных и заграничных! Да говорю, старый он стал, неспособен работать. Ну чего? Прикинешь на ногу-то? Вон садись на сундук!..

Илья Сергеевич уселся на указанный сундук и с наслаждением стянул мокрый резиновый кед.

— Тю! Да у тебя там болото, гляди, лягушки заведутся! Подожди, носок дам сухой, так не лезь!

Бабка выдвинула ящик и, порывшись, достала пару бумазейных армейских носков, сцепленных белой ниткой.

Кожаный сапог, сработанный знаменитым дядей Васей, был рыжего цвета, странно лёгкий, но на толстой, как будто многослойной, подошве.

Нога даже в сухом носке в узкое голенище лезла с трудом. Бабка стояла над Ильёй и руководила:

— Ты штанину-то, штанину подматывай, как портянку! Вот молодёжь, ничего не умеете! А если вдруг в отечестве война, в чём по дорогам пойдёте, в шлёпанцах этих, что ли? Второй рукой-то помогай! Пусти, я сама, бестолковый!..

Но Илья уже втиснулся в сапог.

...Собственно, выбор был невелик. Или сапоги, или беленькие гостиничные тапочки. В Ярославль он за башмаками не поедет, а Николай Иванович вряд ли одолжит ему свои.

— Ну чего? Удобно ноге-то?

Илья нагнулся, нашарил второй сапог и стал натягивать.

— Ты ещё меня вспомнишь, — приговаривала бабка. — И дядю Васю!.. Им сносу нет, сапогам этим, внук твой будет носить! И в лесу — самое милое дело, нога не упрет, с кочки не соскользнёт! Резиновые перед этими сапожками — тьфу!

— Зато резиновые в моде, — подлила масла в огонь поэтесса. Она наблюдала всю сцену с живейшим интересом. — И не промокают.

— Тю! Не промокают!.. — Бабка презрительно махнула рукой на громоздившуюся возле буфета резиновую гору. — И хде они не промокают-то, у них в Китае, что ль?! Весь товар китайский! Поди-ка денёк походи в резине, не промокают! А в дяди-Васиных ножки как новенькие будут!.. Слышь, парень, если в болото полезешь, сначала дёгтем сапоги намажь как следует, а сушить ни на печке, ни на батарее нельзя, всю кожу попортишь. Лучше всего на чердаке за стрехой повесить. В каждый сапожок овса насыпать, овёс всю влагу вытянет, да и зацепить, чтоб маленечко ветерок обдувал.

— Зачем тебе такие сапоги? — спросила поэтесса у Ильи. — Всё равно выбросишь. Оставь для тех, кому они на самом деле понадобятся!

— Сколько? — спросил Илья у бабки. Ногам было непривычно и неудобно.

Бабка вздохнула и отвела глаза.

— Дядя Вася пять тыщ просит. Да ты гляди, какая работа, стежок к стежку! А подмётка!

И возни с ними много, оттого дорого.

Илья достал из заднего кармана кошелёк.

— Возьмёшь? — просияла хозяйка. — Бери, сынок, не прогадаешь, вспомнишь ещё меня и дядю Васю-то! А я вам за просто так капустки положу и вон огурчиков! А шлёпанцы твои в газетку заверну.

— Говорят, у вас тут убийство было, — сказал Илья, глядя, как обветренные, будто занозистые бабкины пальцы ловко заворачивают в газету его кеды.

— Было, было, сроду ничего такого не знали, а тут на тебе — случилось! И женщина она хорошая, почтенная такая, приезжала часто. Одним разом под Новый год или под Рождество, что ли, у меня капусты всю бочку взяла. Там у ней какой-то банкет или праздник в Москве-то намечался, она и взяла. Шофёр ейный прям бочку в машину и бухнул! А потом вернула тару-то. У нас бочки все считаны, их тоже, хороших, не достать.

— А почему её убили, если она... почтенная?

— Дак не знает никто! — Бабка аккуратно положила свёрток и побрякала штырьком рукомойника — ополоснула руки. — И вот что я тебе скажу — не наши это, не сокольничьи! Приезжие её убили.

— Как — не ваши? Арестовали же какого-то вашего алкоголика!

— Витьку-то? — И бабка махнула рукой. — Да ну его! Он небось шлялся возле Зойкиного магазина, хотел сотенную на поллитру стрельнуть, а покойница-то там где-то платок обронила, или из кармана он у ней вывалился. Его ведь почему арестовали? Потому что платок у него наши, а платок с покойницы, и вся недолга.

...Случайный дедок в электричке тоже утверждал, что арестовали ни в чём не повинного человека. А Зоя Семёновна — Зойка! — кричала, что он убил. Он убил и сидит! И водитель, который вёз Илью со станции, говорил, что убил Петрович.

...Сплетни и слухи. Олег Павлович, директор, запрещает своим разговаривать об убийстве. Но он зачем-то разыскал Илью Субботина и умолял приехать. Именно так — умолял.

— Только Зойка чего-то знает, — заговорщицким тоном продолжала бабка, — и молчит. Может, она сама Витьку и оговорила, и платок ему подкинула, чтоб его под замок замкнули.

— Зачем это ей?

— А чужая душа потёмки. Она от него тоже, знаешь, натерпелась! Как аборт в Ярославле сделала, с той поры ведь и нет деток. Ребёночка Витька не схотел. Куда нам, говорит, мы молодые, для себя пожить должны. Нынче всякий для себя живёт, а не для Бога и не для общества. Вот и Витька так. Чего положить-то? Виллок или крошева?

— А? Виллок.

Бабка отвалила камень, прижимавший деревянный круг, и запустила руку в бочку.

— Ещё, может, какой хахаль у ней завёлся из приезжих, у Зойки-то. Она всё время с ними крутится, с вами, то есть.

Поэтесса по имени Ангел громко захохотала. Бабка вынырнула из бочки и посмотрела на неё неодобрительно.

— Хахаль! — с нажимом хохотала поэтесса. — У Зои Семённы!

— Ну, доподлинно я не знаю, — бабка поджала губы, — а только живёт у ней кто-то, вот те крест. И никто его не видал.

— Секундочку, — встрепенулся профессор Субботин. — Кто живёт? Где?

— А у Зойки в магазине! На втором этаже! Сама-то она за плотинкой квартирует, а второй этаж в магазине у ней под мастерскую приспособлен, там всякие решёта, коклюшки, машинка швейная, лóскут, стол огромный!.. От это я своими глазами видала. Она, когда открытие сделала, всех односельчан звала посмотреть, как всё устроено. Ну, мы и ходили. А нынче у ней в мастерской живёт кто-то. И давно живёт-то!

— Что вы видели?

— Свет я видала, хоть и зашторено всё, как в бункере! — Илье показалось, что бабка сейчас покажет поэтессе узловатую фигу. — Чего это Зойка просто так свет станет жечь, когда за него такие деньги дерут! Да и магазин на замке был, и ещё на поперечину заложен!.. А сама она дома была, мне отсюда видать, как народ по плотинке шастает, и Зойку я видала!..

— Да она старая, Зоя Семённа! Какие у неё кавалеры? — влезла деваха.

— По-вашему, по-городскому, может, и старая, — отчеканила бабка, — а по-нашему — ишшо не очень. Ну? Всё? Заговорила с вами!

На ярком солнце после полутьмы лабаза да в непривычной обуви Илья оступился и чуть не упал с крыльца.

— А ты чего? Тайный следователь? Чего ты всё спрашиваешь?

— Мне нужно, я и спрашиваю.

— А зачем тебе нужно?

Он не ответил.

...Слухи, сплетни. Кто-то что-то видел. Кто-то что-то сопоставил, и ответ в уравнении не сошёлся.

— Ты писатель? — не отставала Ангел. — Роман пишешь?

— Я поэму пишу, — рассеянно сказал Илья.

— Ты чего, поэт?!

— Я в прозе.

Они дошли до берега речушки, заросшего облетевшими ивами. Какие-то до странности одинаковые домики из почерневших брёвен стояли на этом и том берегу. И крупная мохнатая лошадь глядела себе под ноги.

Илья Субботин дошёл до лавочки — два пенька и доска между ними, — плюхнулся и подтянул рыжее жёсткое голенище. Его невообразимая спутница пристроилась рядом.

— Зачем ты врёшь? — спросила она, вытянула ноги и стала качаться туда-сюда. — Боже, какая скука — это постоянное враньё. Все врут. Бабка врёт про сапоги, что они хорошие, ты делаешь вид, что веришь, следовательно, тоже врёшь. Потом она врёт про Зою и её кавалеров, а ты врёшь, что поэт. Зачем всё это? Почему нельзя просто нормально говорить друг другу правду?

— Хочешь огурец?

Она взглянула на него. У неё были очень светлые, как будто волчьи, глаза, густо и неряшливо подведённые.

Илья полез в пакет и выудил четвертинку капустного вилка, холодного и влажного, в крошках моркови и зёрнышках тмина. Отделил несколько пластинок и стал хрустко жевать.

— Вот эта лошадь, — сказал он и показал капустой, какая именно лошадь, — не врёт. Она просто стоит и отдыхает от работы.

— А люди все врут.

— А зачем тебе правда?

— Как зачем? Чтобы жить по-человечески!

— Секундочку, — сказал профессор Субботин и отделил себе ещё кусок капусты. — Здесь логический сбой. Если лошадь не врёт, а люди поголовно врут, значит, мы, добиваясь правды во всём, хотим жить по-лошадиному. Вот так логично.

Ангел рассердилась.

— Люди должны быть честными! Для начала просто честными! Если они научатся не врать, человечество выживет. А если будут продолжать...

Илья перебил, она ему надоела:

— Всё это очень остроумно, но ты, например, ещё утром объявила во всеуслышание, что никому и никогда не врёшь.

— И чего? Я решила не врать и не вру, оказалось, что это просто: нужно только...

Он опять её перебил:

— Ты сейчас изо всех сил пытаешься меня обмануть. Тебе кажется, что окружающих ты уже обманула, но они просто заняты своими делами и не слишком внимательны. Со мной этот номер не пройдёт.

Он дожевал капусту и вздохнул:

— И я спрашиваю себя — зачем ты обманываешь? Что тебе нужно? От меня и вообще. Тебе ведь явно что-то здесь нужно!

— Мне... ничего, — пробормотала она и вскочила. — Кто ты такой?!

Он вверх посмотрел на неё:

— А ты кто такая? Что ты должна делать? Следить за мной?..

— Ещё не хватает! Ни за кем я не слежу!

— Ты была здесь, когда убили женщину?

— Ну, была, и что?!

— Ты разговаривала с ней?

— Нет! Я её увидела, только когда Зоя Семёновна завопила, что человека убили, и все побежали, и я побежала тоже!..

— Где ты была, когда завопила Зоя Семёновна?

— Я... просто гуляла. Вон там.

Илья любовался на свои необыкновенные сапоги. В разные стороны покрутил подошвами.

— Ну, как хочешь.

Она смотрела на него.

...Нужно время. Время пройдёт, она всё обдумает, изобретёт какую-нибудь более или менее безопасную для себя версию и выдаст её за правду. Подождём, послушаем. А можно попытаться ускорить события. Почему нет?..

Илья вытер влажные от рассола пальцы о джинсы, откинувшись назад, достал из кармана куртки записную книжку и карандаш — поэтесса следила за ним насторожёнными белыми глазами. Он перелистнул жёлтую упругую страницу, подумал и записал: «Зоя Семёновна и Витька. Дочь убитой и её кавалер. Свет из мастерской. Человек в парке. Клавдия и грибы».

— Какой человек в парке? — живо спросила поэтесса. Она читала за его рукой. — И что за дочь убитой?

— Лилечка, которая живёт с нами в гостинице, дочь убитой Лилии Петровны. Она подходит по возрасту. И ещё ты.

— Да ну-у-у!.. Говорю же, ты ничего не знаешь о людях! Лилечка! Быть не может, что у неё маму... мама умерла! Да ещё совсем недавно! Она селфи делает и хохочет.

— Вот именно.

— Что — именно?! Что ты можешь вообще знать?! С чего ты взял, что она её дочь?

— Я знаю, что должна быть дочь, значит, это кто-то из вас двоих. Ты не дочь покойной?

— Пошёл к чёрту.

— Тогда остаётся только Лилечка.

Он поднялся и забрал с лавочки свёрток с кедами и пакет с огурцами и капустой.

— Прошу прощения, но мне нужно идти. Ты со мной?

Она помедлила немного — он успел сделать несколько шагов вдоль бурой осенней речки — и нагнала его.

Он был рад, что она не осталась на лавочке. Просто рад, и всё.

— Почему ты всё записываешь?

— У меня такая привычка.

— Зачем тебе это?

Илья сбоку посмотрел на её войлочную голову. Деваха была высокой, почти вровень с ним. Высокой и довольно крепкой, никакого «лёгкого дыхания», сплошной монументализм, подкреплённый курткой-стогом, широченными штанами и тяжёлыми ботинками.

— Как ты это терпишь?

— Что?

— Да вот эти... экзерсисы на голове?

— Какие он слова знает! — пробормотала Ангел себе под нос. — А тебе, конечно, это не нравится, да? У девушки должны быть локоны и кудри, да? Всех под один стандарт, да?!

— Зайдём в гостиницу.

— Нет, ты мне скажи!..

Приветливая конторщица поднялась и заулыбалась, когда они вошли в тёплый холл.

— Олег Павлович приехал? — первым делом спросил Илья.

— Нет, — виновато сказала администратор. — Но звонил, звонил, предупредил, что вы станете спрашивать! Отозван в Ярославль по срочному делу, никак не мог с вами повидаться!.. Он для вас ключики от кабинета оставил, а там на столе папочку! Сами зайдёте или принести вам?

Профессор Субботин молча смотрел на неё.

...Выходит, неуловимый Олег Павлович встречаться с ним не собирается. В чём тут дело? Директор настаивал на его приезде, торопил и обещал содействие, а теперь прячется? Что могло измениться за вчерашний день? Означают ли эти перемены, что в услугах Илья Субботина больше не нуждаются?..

...Ну нет. Дело начато, и оно будет доведено до конца, хочет этого директор или уже расхотел. Может быть, вчера это директорское желание имело значение, а сегодня совершенно не важно.

Илья встрепенулся, поняв, что обе дамы смотрят на него вопросительно.

— Вот этот свёрток нужно отнести в мой номер, — сказал он и сунул на полированный стол, за конторку, кеды. — Матвей Александрович приходил?

— А, нет, нет, не было. Екатерина вернулась, Николай Иванович на месте, а его нет. Там уборочка сейчас происходит. Его номер убирают, а следующий ваш.

— Тогда я сам отнесу, — внезапно решил Илья, схватил кеды и ринулся вверх по

лестнице. Ангел тяжелою захлопал крыльями и полетел за ним.

— Ты чего? — спрашивала она на лету. — Ты куда ломанулся-то?

Дверь соседнего номера была распахнута, возле неё стояла обычная гостиничная тележка, на которых развозят чистые полотенца, простыни и всякую милую ерунду, вроде шампуней в крошечных бутылочках и душистого мыла в бумажках. Спереди к тележке был прицеплен огромный мусорный мешок.

Илья сунул поэтессе кеды — она приняла — и полез в мешок. Некоторое время копался в мусоре, она громко сопела ему в ухо, а потом постучал в открытую дверь и заглянул в комнату.

— Можно?

В ванной лилась вода и что-то двигалось.

Илья в мгновение ока обежал небольшой номер и зачем-то заглянул под стол, а потом распахнул холодильник.

— Ты что?! — прошипела сзади Ангел. — Что ты делаешь?! Это не твой номер!

Он не обратил на неё внимания.

— Прошу прощения! — громко сказал он.

В ванной ойкнули, и шум воды смолк. Показалась молодая женщина с тряпкой в руке, лицо, полное и добродушное, как свежее испечённый блин, казалось испуганным:

— Вы кто?!

— Я из соседнего номера, — сообщил Илья. — Из «Николая Романова». Вы сейчас у меня убирать будете?

Женщина смотрела на него во все глаза.

— Так я тут пока... убираюсь, — в конце концов сказала она.

— А потом ко мне пойдёте, да?

Она кивнула.

— Я кеды промочил, — объяснил Илья и вытащил у Ангела из-под мышки свёрток. — Вы когда в мой номер придёте, поставьте их на батарею, ладно?

Женщина перевела взгляд с него на свёрток.

— Так... ладно.

Илья вынул кошелёк.

— Спасибо вам большое.

— Так... нам ничего не надо, — перепугалась женщина и махнула тряпкой. — Не надо, не надо!

— Как же не надо, — Илья подошёл и сунул бумажку ей в карман фартука. — За труды всегда полагается...

Толкая Ангела перед собой, он вышел из номера, где опять полилась вода, и стал спускаться по лестнице.

— Чего ты выделяешь-то?! — поэтесса оглядывалась на него и возмущалась. — Мы что, не могли сами твои кедульки занести?! Или ты, как все маргиналы, очень обожаешь прислугу обременять?

— Прочти мне своё стихотворение. Любое.

— Что?! — задохнулась она.

Они скатились с лестницы — его новые сапожки, сработанные дядей Васей Галочкиным, производили страшный шум — и выскочили на улицу.

— Твоя дверь следующая по коридору, ты чего, не мог сам?! Или ты шастаешь по чужим

номерам и смотришь, что там есть?

— В данном случае я смотрел, чего там нет.

Ангел осеклась. Шнурок на её ботинке развязался и теперь болтался, того и гляди наступит.

— И чего там нет?..

Илья присел и завязал ей шнурок, как маленькой.

— Так, хорошо, — сказал он. — Пойдём в ту сторону, где парк. Как туда попасть?

Она кивнула куда-то вправо.

— ...Кто ты такой?

Он улыбнулся — уж очень растерянный у неё был вид.

...Слухи, сплетни. Маскарады, карнавалы. Кто скрывается под маской, друг или враг? Или не друг и не враг, а просто разухабистые деревенские ряженые, и маски сработаны так себе, на скорую руку, и вскоре соломенные волосы отвалятся и отклеятся носы из папье-маше?..

Вдоль ухоженной стены купеческого особняка они добежали до калитки, на вид совершенно неприступной. Илья толкнул её, и она легко и бесшумно открылась.

— А где же служебный вход? Вон там, да?

Лужайка, на которую он вчера вечером смотрел из окна, при свете дня была не загадочной, не таинственной: с трёх сторон молодые ёлки и берёзы, сбоку вкопаны качели и устроено нечто вроде детского городка. Илья огляделся.

— Там спуск к водохранилищу, да?

— Откуда я знаю!

— Ты давно здесь прячешься, должна знать.

Она перепугалась. Он уловил момент, когда она перепугалась. Дрогнули её немислимые волосы, и она отвела глаза.

— Я?! Ни от кого я не прячусь, — фальшиво возмутилась она. — Я здесь отдыхаю. Работаю, короче! Мне нужно стихи писать, а в Москве я не могу, мне там все мешают!

— Много написала?

Она посмотрела на него.

Установив, где служебный вход, а где детская площадка, он стал совершенно безмятежен, как будто в этом было всё дело. Уселся на качели и начал отталкиваться. Длинные цепи поскрипывали — уить, уить.

Ангел топталась рядом, ей сесть было некуда.

Уить, уить — поскрипывали качели.

— Чего не было в номере? Этого, как его зовут, я забыла? Матвея!

Илья рассматривал небо и лес, сбегавший под горку.

— Чего, ну?!

— Того, что меня интересовало, — не было. На вопрос, что меня интересовало, я не отвечу.

— Ты жулик, может?

Он отрицательно покачал головой.

— Тогда почему ты лезешь в чужие номера? И почему всё записываешь? Какая тебе разница, кто убил ту тётку? И что тебе за дело до её дочери или, может быть, не дочери?..

— Секундочку, — перебил Илья. Он развлекался. — Сформулируйте главный вопрос и задайте его правильно. На этот вопрос я постараюсь ответить.

— Кто ты такой?

— Это неправильный вопрос. Я Илья Сергеевич Субботин. Попробуйте ещё раз.

— Ты издеваешься, да? — закричала поэтесса, шея у неё покраснела, и она топнула ногой.

...Он не собирался её дразнить. На самом деле не собирался!.. Но она понравилась ему. Она понравилась ему, когда они сидели на лавочке, сколоченной из двух чурбаков и доски. Он ел капусту и смотрел на неё. У неё была незащищённая шея и очень странные глаза, показавшиеся ему красивыми. Она легко краснела, и это тоже было забавно.

Дверь служебного входа отворилась, и на улицу вывалилась дородная тётка в белом халате с перетянутым животом. Тётка прищурилась на солнце, постояла, пошарила в карманах и двинула под грибок, вкопанный поблизости.

— Ага, — сам себе сказал Илья. — Вот и она.

Он поднялся с качелей и окликнул тётку, как давнюю и хорошую знакомую:

— Клава!

— А!..

— Здравствуйте!

— И тебе того же!

— Я вас тут поджидаю!

Тётка засмеялась полным, сдобным смехом:

— Чего это?

— Вот хочу спасибо сказать за ваше гениальное искусство!

— Чего это?!

Илья подошёл и поклонился.

— Вы не повар, — сказал он с чувством. — Вы полный и окончательный Поль Бокюз!

Тётка покачала пергидрольной жёлтой головой, вытащила из смятой пачки папиросу и спичечный коробок и прикурила.

— Москвич небось? — сказала она невнятно из-за папиросы. — Пришёл мне работу в столичном ресторане предлагать? Так я это, не поеду, сразу говорю! Я родилась тут, и помру тоже тут!

— Рано вам помирать, Клабочка, — сказал Илья, ставший вдруг разбитным парнем. — Вы ещё молоденькая совсем!

— Ой-ё-ё-ёй, какие он слова говорит! А?! Вы послушайте его!..

— Правду я говорю, Клабочка! А готовите вы так, что умереть можно. Нигде так вкусно не ел, как в селе Скольничьем, а я весь мир объездил.

— Ты гляди, — хохотала Клавдия. — Вот врёт, вот врёт!

Махорочный дым поднимался под крышу грибка и там замирал, а от самой Клавдии пахло хорошо — свежим, сдобным.

— Значит, в Москву не поедете?

— Ни за что на свете, вот озолоти меня!..

— Тогда я сам опять приеду. Что же, мне теперь с голоду умереть?

— Ой, все вы так говорите — приеду, приеду!.. Вон Николай Иванович так же говорит! И всем вам верь?!

Повариха Клавдия всеми местами выпирала из белой блузки и фартука, и выпирала тоже как-то сдобно, притягательно. И когда хохотала, показывала белые крупные зубы, и глазами стреляла по всем правилам.

— И что мне с вами со всеми делать-то, а? Я женщина слабая, одинокая. Ну, говори, чего тебе сготовить! Чего охота? Калиток, мож, с ягодой или утку?.. Сейчас для утки самое время! Ухи могу наварить сигаевой. А хошь пирогов с капустой?

— Я всего хочу, Клавочка!

— Ой, пряткий!

Поэтесса наблюдала всю сцену от качелей, ближе не подходила. Илья мельком глянул на неё. Ему некогда было сейчас ею заниматься.

— Ладно, будет тебе пир! Уговорил.

По всей видимости, уговорить её было проще простого!

— А говорят, у вас в Скольничьем не только огурцы, но ещё и грибы вкусные.

Клавдия округлила накрашенный красной помадой рот:

— А ты грибник? Да грибы у нас такие, полведра в один присест можно уговорить! Маманя моя так солила, так солила, царствие ей небесное. А папаня до первого снега из лесу таскал по корзине, по две!..

— Говорят, вы тоже в лес часто ходите, и в тот день, когда женщину убили, как раз ходили.

Клавдия вздохнула, все её выпуклости дрогнули.

— Ты мне лучше не напоминай, парень, как звать-то тебя? — Он сказал как. — Я ж прям мимо протопала! Прям вот рядышком! Эх, знать бы, что там смертоубийство происходит! Я б не допустила! Я бы поганца этого, вон, башкой в окошко сунула, и дело с концом! Уж он у меня не дёрнулся бы!..

Она энергично затушила папиросу, шмыгнула крупным носом и посмотрела на Илью:

— А ты чего спрашиваешь? Так просто или дело какое?

— Ещё говорят, что женщина убитая обычно на машине приезжала, шофёр её привозил. А в тот день почему-то пешком пришла. Вы машину не видели?

— Видела, — сказала Клавдия как о чём-то само собой разумеющемся. — Как не видать!

— Так, хорошо. Где была машина?

— А с той стороны, где Заиконоспасская горка, знаешь? Прям, где с дороги сворот в рощу. Стояла машина ейная, шофёр спал. А может, и не спал, а музыку слушал, я не глядела.

— Так это недалеко, — протянул профессор Субботин так, как будто на самом деле имел представление, где «сворот» на Заиконоспасскую горку.

— А оно как поглядеть. Как поглядеть, Илюшенька!.. Если по шоссейке, так и не близко, а если через лес, так два шага. И дорожка там хорошая, ровная. Иди не хочешь!

...Получается, что убитая Лилия Петровна, женщина курпулентная и почтенная, как о ней рассказывают, почему-то оставила машину и водителя возле какого-то поворота и пошла в Сокольничье пешком. Зачем? Почему?.. Она любила прогулки? Или с кем-то в этом лесу встречалась? С кем она могла встречаться?

...Плохо, что о ней ничего не известно. Каким человеком она была, что её связывало с Сокольничьим и его обитателями? Олег Павлович должен был внести ясность, но почему-то не пожелал. Почему он не пожелал?

— А как Петрович у Зои в магазине мог оказаться? — спросил Илья. — А, Клавочка? Он же к ней никогда не заходил! Говорят, он из-за неё запил и с завода уволился.

— Из-за вас, поганцев, все наши бабьи беды, — с сердцем отвечала Клавдия. — Хорошая баба, толковая, умная, всё книжки читает, а он кто? Никто без палочки!.. Ух, был бы он мой

муж, я б ему показала!.. И не заходил он к ней, и не заглядывал никогда! Деньги она ему давала, это точно, сама видала! Он сколько раз орал, что к Зойке ни ногой, а в тот раз понесло его чего-то! До белой горячки, видать, допился.

— Не заходил и не заглядывал, — повторил Илья. — Понятно.

— Да чего тебе понятно, ничего тебе не понятно! Вот так был человек, и нету его!.. И не простой человек, а женщина богатая, серьёзная. Вон дочка ейная — пустое место, финтифлюшка. Всё сама себя сымает на телефон, а как сымет, так кавалеру показывает, а то он её не видал, кавалер-то! И хоть бы слезинку уронила по мамаше, хоть бы платочек чёрный поднадела. Нет, всё ей хорошо, весело. Олег-то Палыч, надо быть, думал, что ей утешение потребуется, а она довольная-счастливая! Как и не было у ней матери!

— Дочка первый раз приехала? Только сейчас?

— Сейчас и приехала. Какие-то то ли вещи, то ли деньги у Олег Палыча остались, он хотел передать и дочку покойной сюда вызвал. Она и приехала, отдыхает теперь, устала больно. Глаза б мои на неё не глядели...

Илья помедлил немного.

— А остальные гости, Клавочка? Все в первый раз?

— Вроде да. Эту, твою-то, — и повариха кивнула в сторону детской площадки, где поэтесса Ангел сидела на карусели и, свесив дреды, ковырялась в песке, — я бы запомнила, больно видимость у ней выдающаяся. Николай Иваныч точно в первый раз заехал, его от министерства культуры путёвкой снабдили, он хвастался.

— От министерства культуры? — переспросил Илья.

Клавдия кивнула.

— Ну, дочка с хахалем раньше никогда не приезжали, а Катерину вроде я помню... Только не знаю, откуда. Может, в Ярославле видала. Она женщина тоже приметная.

— А Матвей?

— Полоумный-то? Не, он уж много раз бывал. Тоже стряпню мою нахваливал! Я, главное, говорю ему — чего ты хвалишь, разве не видишь, что пирог ни в коня, ни в Красную армию не удался! А он мне на это...

— Что значит — полоумный?

— Как что? Дурачок, значит, негораздок.

— Он... не в своём уме, что ли?

Клавдия махнула рукой:

— Чудно-ой!.. Взрослый же мужик, а как дитё малое. Навроде Витьки-душегуба, только в другую сторону. Сядет вон на берегу и сидит целый день, глядит, не шелохнётся. А летом купаться пойдёт, ну и бродит потом по берегу, не может вспомнить, куда одёжу положил. А один раз два супа заказал на обед — рыбный и похлёбку грибную. То из одной тарелки поест, то из другой, я уж с кухни-то поглядела. Блаженный, говорю же.

Тут Илья задал такой вопрос:

— А он пьющий? Вы не замечали?

— Так чтоб через край — получается, непьющий. Может, и попивает где, а у нас в Сокольничьем под кустами не валялся.

— Клава-а! — закричали из кухни. — Где ты там застряла? Перекипит бульон! Или чего, снимать?

— Я те сыму, я те сыму, — всколыхнулась Клавдия. — Уболтал ты меня совсем! Прыткий! Всё ему расскажи!

И она кокетливо погрозила Илье толстым красным пальцем, собираясь ринуться к бульону.

— Клава, вы когда в тот день мимо Зоинога магазина шли, никого на лавочке не видели? Не отдыхал никто?

— Да шут его упомнит!.. Не видала вроде.

— Клавочка!

Повариха и профессор разом оглянулись. По дорожке вдоль дома шел Николай Иванович. Солнце сияло на его благородных сединах и отражалось от великолепных башмаков.

— Батюшки-светы, — пробормотала Клавдия растерянно.

— Не мог не поблагодарить, — издалека на ходу начал Николай Иванович. — Вот зашёл специально. Через ресторан не смог, двери на замке. Ваши завтраки, Клавочка, а особенно обеды...

— Да будет вам, — пробормотала Клавдия и стала отступать в сторону двери. Щеки у неё покраснели и набрякли. — Чего там...

— Нет, позвольте мне выразить восхищение вашей гурьевской кашей. Классический рецепт чрезвычайно труден в приготовлении, это ещё мне моя матушка говаривала, а вы подаёте превосходную гурьевскую кашу!..

— Бульон, — вымолвила Клавдия. — Перекипит у меня бульон-то...

Она ринулась в сторону двери, откуда неожиданно выглянула чья-то любопытная физиономия. Выглянула и скрылась. Клавдия влетела в кухню, и оттуда сразу оглушительно загрохотало и послышались громкие голоса.

— Денёк сегодня какой, — бодро сказал Николай Иванович. — Прямо подарочный!.. Вы тоже за угощение благодарили, молодые люди?

Оказалось, что поэтесса перестала ковыряться в песке и телепается у Ильи за плечом.

— Я спрашивал про убийство, — сообщил Илья, и Николай Иванович немного дрогнул. — Я слышал, Клавдия оказалась почти свидетелем.

— Вот именно — почти, — Николай Иванович поднял палец. — А вы детективами интересуетесь?

— Детективами не очень, а убийствами — да, интересуюсь.

— Это в каком же аспекте?

— В аспекте разоблачения преступников, Николай Иванович.

— Виноват, вы из Следственного комитета?

Профессор Субботин поморщился. Он терпеть не мог линейного мышления! Ну что за ерунда — если человек интересуется преступлениями, значит, он непременно состоит на специальной службе!..

— Прочти нам с Николаем Ивановичем свои стихи, — велел он поэтессе и сделал особенное поэтическое лицо. — Погода располагает к поэзии.

— Не буду я ничего читать, — пробормотала поэтесса. Опять он пристал и напугал её, и она бросилась в атаку. — А что ты детективов не любишь, это опять враньё. Почему люди всё время врут?! Ты же не читаешь детективов, верно?

Илья придержал перед ней и Николаем Ивановичем калитку.

— А если ты их не читаешь, откуда ты знаешь, хороши они или плохи? Вот, допустим, ты никогда не ел...

— Ухи, — подсказал Илья. Он думал о Матвее, который из двух тарелок ел грибную

похлёбку и уху — по очереди.

— Да, вот уши, например! Откуда ты можешь знать, любишь ты её или не любишь?!

— Теоретически, — подсказал Николай Иванович. — На основании некоего частного случая можно сделать вывод о явлении в целом, милая Ангел. Чисто теоретически!..

И он улыбнулся, словно извиняясь, что вслух произнёс глупейшее имя.

— Э, не скажите, Николай Иванович, — вступил Илья. — Теории теориями, но и факты хорошо бы знать, тут наша Ангел права.

— Я не милая и не ваша, — грозно сказала Ангел и поддала ногой в суровом ботинке гору листьев. Листья разлетелись — красиво.

— Например, — продолжал профессор Субботин, как ни в чём не бывало. — Известно, что на китайского императора смотреть нельзя, за это голова с плеч. Но нужно установить размер носа китайского императора. Как это сделать? Можно провести теоретическое исследование — опросить миллиард китайцев и задать вопрос, как они себе представляют нос императора. Потом полученные данные обработать и усреднить. Мы получим некую довольно точную величину. Но, видите ли, в чём дело, эта величина — довольно и даже весьма точная, прошу заметить — никакого отношения к реальному носу императора иметь не будет. Этот пример в своё время придумал Дик Фейнман.

— Мы о детективах говорили, — напомнила она.

— Что вы хотите сказать? — подумав, спросил Николай Иванович.

— Ничего особенного. Только то, что, опросив сто человек, вы получите некое представление о событии или явлении, и оно будет совершенно определённым, но очень далёким от реальности. Сто человек скажут вам, что детективы плохи, вы поверите, а потом случайно прочтаете один, и он окажется хорош. Примерно так.

— Ты читаешь детективы?!

— Или пятьдесят человек скажут вам, что алкоголик Петрович не мог убить некую даму, а ещё пятьдесят скажут, что именно он и убил. И что тогда делать? Где искать истину?

Николай Иванович вышагивал рядом и шурился на пруд, сверкавший нестерпимым холодным блеском.

— Видимо, — выговорил он неторопливо, — придётся опросить ещё двести или пятьсот человек, чтобы установить истину.

— Секундочку, — перебил профессор Субботин. — Надо не просто опросить, а добраться до того конкретного, который видел или помнит то, чего не видели или не помнят другие. И вот тогда делать выводы! Иначе у нас получится нос китайского императора!

— Вы писатель? — вдруг спросил Николай Иванович. — Детективы сочиняете?

— Я пишу поэмы, — по привычке соврал Илья. — В прозе.

— Ты опять врешь!

— Ты же никогда не читала моих поэм. — Илья повернулся и шёл теперь спиной вперёд, лицом к Ангелу. — Откуда ты знаешь, пишу я их или не пишу?

— А... мы далеко направляемся? — Николай Иванович огляделся по сторонам. — Сейчас откроют ресторан, самое обеденное время. Может, имеет смысл пообедать?

— Я хочу нагулять аппетит, — сказал Илья. — И направляюсь в магазин «Народный промысел». А вы меня провожаете.

— Я там ещё ни разу не был, хотя любопытство, конечно, адское. Место преступления как-никак! Но мне совестно тревожить Зою Семёновну...

— Какие старомодные слова вы говорите, — Илья покачал головой. — Совестно

тревожить!.. Таких слов сейчас никто не знает и не употребляет.

— Скажи ещё про современную молодёжь, Интернет и бездуховность!.. — скривилась поэтесса.

— Ну, некоторых из нас Интернет совершенно не интересует, правда?

Она исподлобья посмотрела на него.

— А других интересует, — продолжал он как ни в чём не бывало и кивком показал куда-то. Николай Иванович посмотрел и засмеялся.

Прямо по курсу возле кирпичной стены — по виду старинной — молодой человек фотографировал девушку, предполагаемую дочку Лилии Петровны. Девушка откидывала волосы, так и сяк поводила головой, потом вытянула вверх руку, согнула в колене ногу, изогнулась и неторопливо повернула к нему сияющее лицо.

— Во-во-во, — говорил Ванечка, — ещё разок. Тянись, тянись!

— Слушай, а где наша палка для селфи? — спросила она.

Молодой человек огляделся, словно ища палку для селфи поблизости.

— В номере осталась.

— Надо было взять, — огорчилась девушка, — волосы бы развевались красиво!..

Перестав изгибаться, она немедленно достала из кармана телефон и уткнулась в него. Молодой человек тоже смотрел в мобильник.

— А от палки развеваются волосы? — спросил Николай Иванович у Ангела. — Вы не знаете?

— Развеваются, — мрачно сказала Ангел и тряхнула дредами. — Для этого к ней приделывают вентилятор.

— Я Фрэда репостнул, — сообщил молодой человек, не поднимая глаз от телефона. — Фотки с завтрака — пятнадцать лайков, прикинь?

— А с экскурсии?

— Пока семь всего.

Девушка скорчила смешную гримаску и тут только заметила надвигавшуюся группу тяжеловесов.

— Хэлло! — весело сказала она. — Давайте вместе сфоткаемся для инстаграмма. Ванечка, сфоткай нас!

— Омайгадабл! — завопил молодой человек. — Забыл совсем!

— Ты что?

— Я дедлайн профакапил! Мне в час нужно было с чуваком связаться, он в Бейрут летит! Помнишь, который мудборд своего дизайн-проекта представлял? Ну, когда мы на стрелку ездили в антикафе?

— В какое?

— Где брифовали насчет стартапа широкополосного стриминга! Ты что, забыла? Ты ещё сказала, что он тру, этот чувак!

— Помню, — просияла Лилечка. — А чего он в Бейрут летит? Живёт там?

— Никто не живёт в Бейруте, зая. Там все дела делают, и я тоже делаю.

— Сфоткай нас, Ванечка! А то как будто мы в этой дыре одни! А тут ещё люди, прикольные!

И она улыбнулась мрачной поэтессе, благостному Николаю Ивановичу и внимательному профессору.

— Давайте вот так вставайте! Ванечка, почему ты палку для селфи не взял?! Мы все

вместе в кадр не лезем!

— Дай я сам!..

Они шутливо препирались, остальные ждали. Когда наконец с селфи было покончено, Ванечка водрузил на нос тёмные очки и сказал, что нужно ещё сфотографироваться возле колокольни.

— Для инстаграмма, — сказал он так, как говорят: это нужно для дела.

Они перешли дорогу и двинули к колокольне.

Лилечка смотрела в телефон и время от времени спотыкалась, Илья поддерживал её под локоть. Молодой человек рассказывал, что не может жить без тёмных очков — вот не может, и всё тут.

— У меня «рэйбенов» штук пятнадцать, и все разные, даже коллекционные есть, как из «Джеймса Бонда», там Шон Коннери в таких. Я когда их в инстаграмм выложил, лайков сто пятьдесят набрал! У меня много разных очков! «Бугатти», «шопарды». «Диоры» есть, Лилечка дарила, но «диоры» — это так, гламурненько, не очень тру.

— Что-о-о?! — не отрываясь от телефона, вскричала Лилечка. — «Диоры» не тру?

— Тру, тру, но они такие... для папиков больше. Я разбираюсь в очках.

— Он ещё в машинах разбирается, — поддакнула Лилечка, не поднимая глаз от телефона, споткнулась, и Субботин опять её поддержал. — У него их четыре, и одна совсем раритетная. Как она называется, я забыла, Ванечка?

— «Победа». Хотите покажу?

— У моего отца была «Победа», — сообщил Николай Иванович негромко. — Он после войны на «Опеле» трофейном ездил, а потом ему «Победу» дали.

— Любопытно, — сказал Илья. — «Опель» после войны — это не шутки.

— Да какие уж тут шутки. Лётчик, Герой Советского союза, наградили «Опелем».

— Вот, вот она! — Ванечка стал совать им телефон. В ярком свете дня на экране ничего не было видно, он загоразивал его ладонями. Илья и Николай Иванович, сталкиваясь головами, совались поближе к экрану. Ангел, задрав голову, смотрела на крест колокольни.

Ванечка сорвал свои «рэйбены» — видимо, в них он совсем уж ничего не видел — и так и сяк поворачивал телефон. Николай Иванович благожелательно мычал.

— Смотри, Лера с Никасом, — сказала подошедшая Лилечка и сунула Ване свой мобильный. — Только сейчас выложили. Я лайкнула.

— Молодец. А где они, я забыл?

— Я тоже забыла.

Она опять уставилась в телефон.

— Какова же высота этой колокольни, как вы думаете? — спросил Николай Иванович у Ильи.

— Можно прикинуть по длине тени.

— Мы будем фотографироваться или нет? — гневным голосом спросила мрачная Ангел. — Я замёрзла!

— Да, да, сейчас!

— А чем вы занимаетесь? — поинтересовался Илья, пока Ванечка молниеносно тыкал пальцами в экран, печатал какое-то сообщение.

— По жизни? — уточнил Ванечка, не поднимая головы. — Бизнесом. Хайтеком. У меня всякие стартапы... разные, в общем. Вот чувака профакапил, жалко!.. — Он всё печатал, стремительно. — У меня в Израиле бизнес... тоже... я там учился. А что? Почему вы

спрашиваете?

— Из любопытства, — пояснил профессор Субботин. — Давайте правда сфотографируемся, если вы хотите, и мы пойдём в магазин народных промыслов.

Лилечка вдруг топнула ногой и почти завывала:

— А-а-а!.. Да что ж это такое?! Ваня! Я больше не могу! Я не хочу!

— Что такое? Что, Лилечка?! — не выпуская телефона, он бросился к ней. Глаза у неё налились слезами.

— На, читай! Опять! Я же всем, всем разослала!

И она обеими руками закрыла лицо.

— Я удалю, удалю! Уже удаляю, не плачь, зая! — Он одной рукой обнимал Лилечку, а другой производил манипуляции с телефоном. — Нет, ладно бы хейтеры поганые, и то свои родные френды!..

Мимо пробежала давешняя лошадь с тележкой. Теперь на соломе сидели двое — мужик в телогрейке и мальчишка в яркой куртке для сноуборда. Позади них тряслись и тяжеломерно стукались две высокие алюминиевые фляги, по всей видимости, с молоком.

Илья проводил их глазами. Лошадь повернула к плотинке и потрусилась под горку.

— ...Я специальный пост разместила, что у меня мама погибла, — горестным и немного горделивым тоном объясняла Лиля Николаю Ивановичу, который совал ей безупречный носовой платок в крупную клетку. — И попросила никаких соболезнований не выражать! Ну, мне тяжело, невозможно! Все у себя перепостили, все ок. Я думала, все меня слышали. И вдруг опять, — голос у неё поехал вверх, — дорогая Лиля, крепись, мы с тобой!.. Нет, ну попросила же по-человечески!..

[Купить полную версию книги](#)